

В РЕДАКЦИЮ "ПРАВДЫ", ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС.

Дорогие товарищи, с большим опозданием, но все же решил воспользоваться, как читатель, приглашением редакции "Правды" поделиться своими мыслями по поводу того, что и как следует главным образом пропагандировать. Письмо получилось длинное. В письме излагаю не только свое мнение, но и мнение своего идейного и политического противника, названного Шефом. Вопрос, существует ли сегодня в СССР идейные, а также и политические противники, у меня лично не вызывает никакого сомнения. Да, существуют. Другой вопрос, активен ли представитель реакционной стороны или еще пока пассивен, для меня лично неясен. Я на "всякий" случай сделал Шефа и его сторонников активными, ибо совершенно уверен в том, что если мы не пойдем в дальнейшем по пути социального прогресса, забудем, что спасение Пролетарской революции в её продолжении, — сторонники Шефа, рано или поздно, станут активными реакционерами.

Все письмо вращается вокруг главных выводов (критериев) марксизма-ленинизма. Эти выводы касаются характера общественных отношений, говоря языком журналистов, по «вертикали» и «горизонтали» (или государство и товарные отношения).

Общественная мысль сильно пострадала от сталинского толкования марксизма-ленинизма. Сталин, по крайней мере, по трем важным вопросам исказил, вернее, отошел от марксизма-ленинизма. Это: 1) вопрос о государстве; 2) основной закон социализма; 3) предмет политической экономии и принцип исследования вопросов политической экономии.

Благодаря решительным мерам ЦК КПСС общественная мысль возвращается к исходным позициям марксизма-ленинизма. Однако следует признать, что процесс возвращения к исходным позициям марксизма-ленинизма очень медлителен, вероятно, из-за того, что он (процесс) очень болезнен. И как бывает в медицинской практике, лечение одной болезни вызывает другую болезнь, так и здесь, идя по пути исправления ошибок, допускаем новые. Все это — реальность, и с ней нужно считаться, если не хотим впасть в самую серьезную, непоправимую ошибку. К "чести мундира" следует относиться философически, иначе эта "честь" обесчестит нас раз и навсегда.

Сталин отошел теоретически от марксизма впервые и открыто, хотя он подчеркивает свою верность марксизму, в 1939 году на XVIII съезде КПСС по вопросу о государстве. Этому теоретическому отходу предшествовали две социально-политические меры, которые очень сильно ограничивали, но еще не исключали, классовообразующие общественные отношения. Это отмена ограничения на заработную плату для руководителей-коммунистов. Это отмена чистки партии. Вопрос, следовало ли снимать ограничения на заработную плату для руководителей-коммунистов, отказаться от чистки партии, не вызывает у меня никакого сомнения. Да, следовало. Но таким образом, чтобы вместо существовавших способов ограничения, которые весьма сильно препятствовали возрождению новых классов, внедрить на практике более прогрессивные способы управления хозяйственной жизнью, которые бы не только ограничивали, но постепенно

выкорчевывали классовобразующие производственные отношения. Но этого на практике не произошло. Мы жили старым багажом, добытым трудящимися массами благодаря тому, что ими руководила Великая Когорта большевиков во главе с великим Лениным.

Две последующие ошибки Сталин допустил в 50-х годах при обсуждении вопросов политической экономики. Одна из них связана со "злополучным" толкованием основного экономического закона социализма. И дело не в самом толковании, а в том содержании, которое выдается за основной закон. Толкование и содержание этого закона очень привлекательны, гуманны. Видимо, эти привлекательность и гуманность вербуют сторонников этого, так называемого основного экономического закона социализма. Но вдумайтесь в суть вещей и взаимосвязь между вещами и явлениями, и вы поймете, что за этой привлекательностью нас ждет коварная пропасть. Я не отрицаю тот факт, что социализму свойственно то, что выдается за основной закон. Но утверждаю, что то, что выдают ряд наших ученых вслед за Сталиным за основной закон, есть следствие действия системы экономических законов. Поэтому, если мы это следствие будем выдавать за экономический закон, тем более, основной закон, и, таким образом, использовать его, как основу, **отправную точку, опору**, то нам не дожидаться этого следствия вовек.

Так называемый основной экономический закон Сталин формулирует так:

"обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества"... (Экономические проблемы социализма в СССР, т.16, с.182).

Не будем придирается к самой формулировке, она не выдерживает никакой критики. Понятие максимума к единичному фактору неприменимо. Припишем этой формулировке больше содержания, чем она в самом деле содержит. Будем подразумевать под «удовлетворением потребностей» удовлетворение потребностей отдельных людей, коллективов. Максимальное удовлетворение потребностей равнозначно минимальному неудовлетворению потребностей. Пусть функция $T_i(t)$ описывает изменение уровня потребностей i -го человека, а функция $K_i(t)$ — изменение уровня удовлетворения потребностей того же человека. Максимальное удовлетворение равнозначно минимуму разности $T_i(t) - K_i(t)$.

Для всего общества обеспечение максимального удовлетворения потребностей сводится к минимизации суммы $\sum_{i=1}^N [T_i(t) - K_i(t)]$. Но функция удовлетворения ограничена сверху функцией распределения национального дохода и перераспределения средств производства. Функция изменения потребностей $T_i(t)$ целиком и полностью, за исключением тех случаев, когда потребности обусловлены биологическими и географическими факторами, определяется способом производства. Поэтому для того, чтобы упомянутая сумма принимала минимальное значение

(стремилась к нулю на конечном отрезке времени) необходимо и достаточно, чтобы способ распределения национального дохода и перераспределения средств производства соответствовал способу производства, характеру средств производства. И этот способ распределения кратко был сформулирован впервые К. Марксом: "каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему". (Критика Готской программы).

Это и есть основной закон социализма. Но для того, чтобы этот основной закон был реализован, необходимо уничтожить все, что охраняет частный способ присвоения (частную собственность), укрепить все, что способствует развитию общественной формы присвоения.

Третья ошибка Сталина связана с трактовкой предмета политической экономии. Сталин пишет:

"Предметом политической экономии являются производственные, экономические отношения людей" (И.В.Сталин, соч., т.16, с.207 «Об ошибках товарища Ярошенко Л.Д.», Москва, 1997, изд-во «Писатель»).

Это верно, но дальше Сталин восстает вновь против Сталина:

"Сюда относятся: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положение различных групп в производстве и их взаимоотношение,... в) всецело зависящие от них формы распределения продуктов. Все это вместе составляет предмет политической экономии" (там же).

Вот здесь коренится третья и последняя ошибка Сталина. Согласно марксизму не собственность определяет взаимоотношения между людьми, а взаимоотношения между людьми определяют ту или иную собственность. А согласно Сталину формы собственности определяют взаимоотношения между людьми. Выходит по Сталину, что не изменившиеся классовые отношения, вылившиеся в Великую Октябрьскую революцию, привели к национализации средств производства, а, напротив, национализация привела к Октябрьской революции. Национализация средств производства — это определенный итог развития производственных отношений — плацдарм для дальнейшего революционного преобразования капиталистических отношений в социалистические, следовательно, для преобразования капиталистической собственности в социалистическую. Собственность — итог, а не основа, собственность — следствие, а не причина. Производственные отношения и собственность соотносятся, как причина и следствие.

Думаю, что без рациональной критики ошибок Сталина нельзя поставить политическую экономию на ноги. А без этого последнего шага невозможно решить те задачи, которые поставлены XXV съездом КПСС.

Думаю, что еще одна преждевременная политическая мера по пути "демократизации" сыграла медвежью услугу как для централизации, так и для демократии. Я имею в виду отмену

парторгов ЦК на предприятиях. Эта преждевременная мера сильно подорвала связь между первичными партийными организациями с центральным органом партии, ибо секретари партийных комитетов оказались в экономической зависимости от директоров соответствующих предприятий. Эта мера способствовала усилению местнических тенденций. И эти местнические тенденции продиктовали с железной необходимостью экономическую реформу по пути расширения товарных отношений.

Искренне благодарю редакцию "Правды" за приглашение читателей поделиться своими мыслями, за те откровенные статьи, которые печатаются в "Правде" и которые играют лично для меня такую же роль, какую играл русский язык для Тургенева.

2 июня 1977 г.

Т.Зураев

**ШИРЕ ПРОПАГАНДИРОВАТЬ ИДЕИ ПРОЛЕТАРСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА, БОЛЬШЕВИЗМА, ДИКТАТУРЫ
ПРОЛЕТАРИАТА**

ОГЛАВЛЕНИЕ

1	ЧТО И КАК ПРОПАГАНДИРОВАТЬ.....	6
2	О ТОМ, КАК ИНОГДА ПРОПАГАНДИРУЮТ ОСНОВЫ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА, РЕШЕНИЯ СЪЕЗДОВ.....	11
3	О ТОМ, ЧТО ЧАСТО ИГНОРИРУЮТ.....	22
4	"ИСТОРИЧЕСКАЯ" БЕСЕДА, СОСТОЯВШАЯСЯ МЕЖДУ ШЕФОМ И ДРУЖИЩЕМ.....	33
5	ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ (УРАВНЕНИЯ) СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА	72
5.1	ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО.....	73
5.2	ТОВАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.....	73
5.3	ГОСУДАРСТВО.....	73
5.4	ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА	74
5.5	ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ (УРАВНЕНИЯ) СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА, ИЛИ УСЛОВИЯ БЕСПРЕПЯТСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ ОБЩЕСТВА.....	75
5.6	ЗАКОН СТОИМОСТИ.....	76
	ЛИТЕРАТУРА	80

*Мы поступим правильно, поступим по-ленински,
если, отдавая должное достигнутому,
сосредоточим внимание на недостатках,
которые у нас еще есть, на нерешенных задачах.*

Л. И. Брежнев

*Лишь постигший весь путь
нам неясного строя
Сможет в лад с ним запеть,
струны правильно строя.*

Низами

1 Что и как пропагандировать

*Велик душой и сердцем, тот велик,
Кто ложью свой не осквернил язык.*

Фирдоуси

Считаю, что “Правда” совершенно справедливо “видит свою главную задачу в том, чтобы глубоко пропагандировать решения XXV съезда КПСС, мобилизовать силы коммунистов, всех трудящихся на борьбу за успешное претворение в жизнь этих исторических решений” [1]. Мое отношение к “Правде” обусловлено не только тем, что она политический орган ЦК КПСС, но и тем, что решения XXV съезда КПСС проникнуты идеями пролетарского интернационализма, большевизма, диктатуры пролетариата, идеями Великого Октября. И более того, идеи Великого Октября, порожденные II-м историческим съездом партии Ленина, получили дальнейшее развитие в решениях последнего съезда КПСС. Решения съезда дают ориентиры по трем главным направлениям развития общества вообще и нашей страны, в особенности:

1. Международные отношения.
2. Социально-экономические вопросы в нашей стране.
3. Партия.

По всем трем направлениям сформулированы главные задачи, которые партии и народу предстоит решать. Затем в решениях XXV съезда дается четвертый ориентир, касающийся метода решения первых трех проблем, задач. Идеями этого последнего ориентира проникнуты все вопросы, которые рассматривались на съезде. В первой части отчетного доклада ЦК КПСС XXV съезду идеи четвертого ориентира связаны с

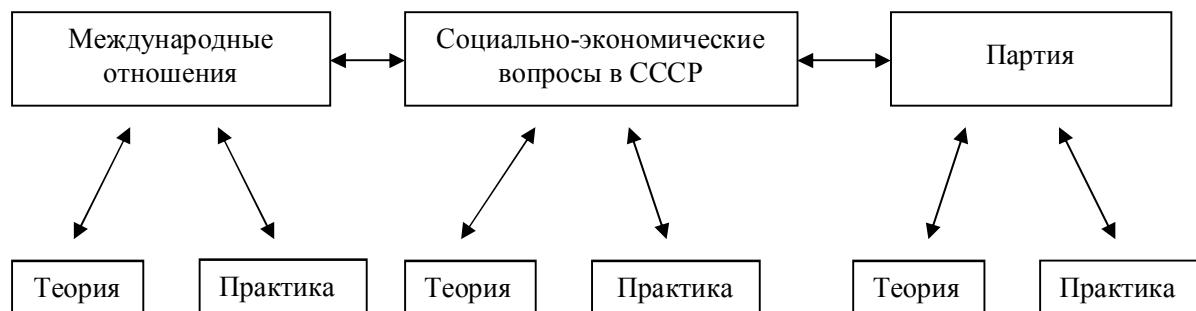
укреплением принципа пролетарского интернационализма, объединением миролюбивых сил в борьбе против сторонников горячей и холодной войн. Во второй части отчетного доклада упомянутая идея гласит: решать социально-экономические вопросы, идя по пути соединения интересов отдельного работника с интересами коллектива, интересов коллектива — с интересами общества. И, наконец, в третьей части отчетного доклада ЦК указывается на необходимость поднятия боеготовности самой партии на еще более высокий уровень, повышения степени ее коммунистичности посредством привлечения при приеме в партию наиболее сознательных и активных людей, главным образом, из среды рабочего класса.

Все три направления: международные отношения, социально-экономические вопросы в нашей стране и партия взаимосвязаны и взаимообусловлены. Каждая из этих областей охватывает определенный участок общественной жизни и в то же время **целиком и полностью** проникает во все остальные. Ошибка в одной из них сказывается на двух других областях. Решения международных вопросов решающим образом влияют на развитие внутренней социально-экономической жизни. Решения в социально-экономической области оказывают влияние на развитие партии. Это, так называемые, прямые (внешние) воздействия, которые, если они реакционны, стремятся сохранить **суть** существующего. Обратное — прогрессирующее воздействие — заключается в том, что решения задач, касающихся самой партии, обуславливают характер решения социально-экономических задач. Революционное решение последних задач резко ускоряет развитие экономики, что в свою очередь начинает взбудораживать и без того шатающиеся страны капиталистического лагеря, другими словами, степень самоорганизации партии определяет её **суть**, а когда партия становится господствующей, тогда степень её самоорганизации определяет **суть** социального развития общества.

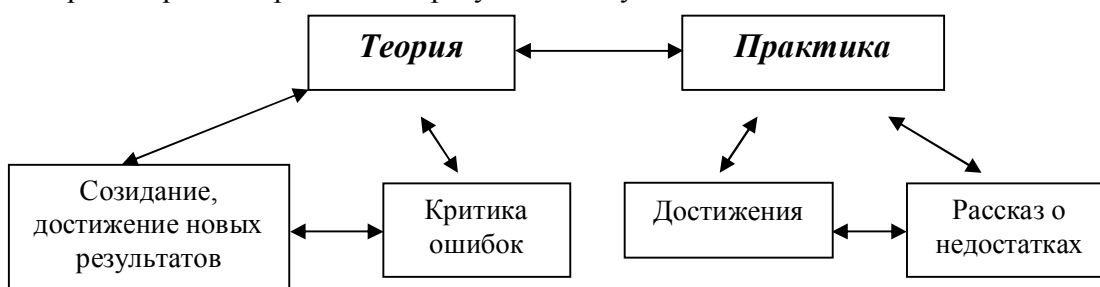
В связи с указанными XXV съездом КПСС тремя направлениями возникает в области пропаганды шесть проблем: три теоретических — пропаганда теоретических основ XXV съезда, три практических — пропаганда практических осуществлений решений XXV съезда. Каждая из шести проблем включает в себя две составные части: 1) рассказ (анализ) о том, что делается в духе решений съезда, что следует поддержать; 2) рассказ о том, как на практике, мягко говоря, корректируются (в действительности, извращаются) решения съезда, что следует критиковать и преодолевать. Без выполнения последнего второго пункта наличие одного первого есть поповщина. Попытка доказать ненужность второго пункта есть фактически отрицание роли партии и общественности (всего народа) в управлении хозяйственной жизнью. Несостоятелен и тот вывод, который настраивает

людей на то, чтобы они больше внимания уделяли пропаганде наших достижений и меньше критике и исправлению посредством рациональной критики наших недостатков. Последний вывод, в конечном счете, сводится к первому.

Таким образом, имеем примерно следующую формальную схему:

Стрелка $\leftrightarrow$ указывает на диалектическую взаимозависимость, взаимообусловленность. Теория и практика развития образуется из двух составных частей.

Считаю, что "Правда" должна рассказывать (анализировать, синтезировать, критиковать) о том, что делается по всем этим вопросам. При этом, исходя из тактических соображений, не всегда, конечно, "удобно" предавать гласности конкретные решения партии в той или иной области. Но с другой стороны, всеобщая гласность — это один из признаков однородности общества.

Поэтому нужно разыскивать приемлемые методы пропаганды, а не отказываться от **всеобщей** гласности.

Особенно это касается критики ошибок партии и предания гласности этой критики. Под ошибками партии понимаются ошибки отдельных её членов или организаций. Если партия не считает себя ответственной за ошибки своих членов, то она, тем самым, делает своих представителей абсолютно безответственными за общие решения партии.

Думаю, что "Правда" имеет наибольшие достижения в пропаганде решений съездов и мобилизации трудящихся на выполнение этих решений в области практики нашей социально-экономической и международной жизни. Здесь трудно что-либо пожелать большего, — как будто

все на месте и как надо. Ежедневно читатель узнает о новых успехах нашей экономики. И эта информация может оказать огромную услугу тем, у кого был или появился **интерес** позаимствовать передовой опыт. Очень часто (если не ежедневно) "Правда" выступает с критическими статьями, посвященными социально-экономической жизни в отдельных местах страны. Эти статьи, независимо от того, связаны ли с письмами советских граждан, являются ли просто фельетонами, оказывают огромную моральную помощь и поддержку тем, кто достоин звания коммуниста, честного труженика, одним словом, кто достоин звания гражданина социалистической республики, и, напротив, являются грозой для тех, кто нарушает социалистический образ жизни.

В этих статьях содержится не только анализ и критика деятельности местных организаций, но часто делаются очень удачные, по существу научные обобщения типа: "Благотворительная акция бабушки, посочувствовавшей касатику, может, и не представляет большой социальной опасности. Куда вреднее позиция тех ответственных товарищей, которые разделяют её воззрения и доверяют касатикам руководящий руль" [1]. Ответы на вопросы: 1) почему ряд ответственных товарищей разделяют воззрения бабушки? 2) как сделать, чтобы подобное отношение к касатикам было исключено из жизни?, — есть задача науки. Люди, которые действительно желают развивать теорию научного коммунизма, а не играть роль касатиков, должны отвечать на подобные вопросы, помогая, тем самым, практикам, которым они обязаны своим существованием. Идея постановки задачи всегда идет от практики, а не от теории, последняя обобщает практику, конкретизирует её формулировку, делает новые открытия в результате такой деятельности и, тем самым, способствует рождению более прогрессивной практики.

Думаю, что "Правда" уделяет слишком мало внимания вопросам теории, в особенности критической части. Освещение вопросов развития теории, говоря по-товарищески, принимает какой-то безличный вид типа: советские ученые разработали, пришли к выводу, отвергли единодушно и так далее. Коллективизм — дело хорошее, но здесь пахнет не коллективизмом, а безответственностью. Что же касается критической части, то она еще больше страдает от недостаточной внимательности "Правды". Складывается такое чувство, что "Правда" проявляет легкий либерализм (со сдержанной улыбкой относится к вопросам теории, как взрослые — к детям) или "побаивается" вмешиваться во "внутренние" дела теоретиков. В любом случае "Правда" не имеет права, не изменяя себе, играть роль Молчалина. Само собой разумеется, что отзыв "Правды" о том или ином теоретике есть путевка или антипутевка в научную сферу. Но разве "Правда" не раздает подобные путевки в области хозяйственной жизни? Отчего же она воздерживается раздавать их почаще в области науки? Этим "Правда" еще больше способствовала бы чистоте науки, а следовательно, быстрому её развитию. "Правда" должна быть грозой не только для зарвавшихся администраторов, но и для тех, кто, используя "шурупную философию", [1] получает ученые степени в самых различных областях науки и техники, опошляя науку, в

особенности научный коммунизм.

Из сказанного не следует, что "Правда" вообще не вмешивается в вопросы науки. Нет, еще раз нет. "Правда" вмешивается в вопросы науки, часто критикует отрицательные стороны. Но, на мой взгляд, недостаточно часто.

Если иметь в виду критическую сторону теории (а без нее теории не бывает), то хуже обстоит дело с освещением критики позиций тех советских работников науки, кто, мягко говоря, извращает основы научного коммунизма. Читатель начинает думать, что раз нет критики, то, следовательно, "Правда" согласна со всем, что публикуется, а следовательно, со всем этим согласен и ЦК, а вместе с последним — вся партия, а следовательно, по одному пошляку в области науки можно судить в целом о партии.

Примиренческое отношение к извращениям основ научного коммунизма, чем бы оно ни объяснялось, в конечном счете способствует развитию ростков антикоммунизма. А извращения основ научного коммунизма встречаются, к сожалению, чаще, чем бы этого хотелось. Причем все делается, как правило, под прикрытием марксизма-ленинизма, решений последних съездов партии.

2 0 том, как иногда пропагандируют основы научного коммунизма, решения съездов

Нет большего бесстыдства, чем выдавать за правду
Утверждение, ложность которого заведомо известна.

Кабус Намере

В журнале "Коммунист" (№ 8, 1976 г.) под рубрикой: "XXV съезд КПСС: вклад в марксистско-ленинскую теорию" опубликована статья "Магистральная тема научного коммунизма". Сколько бы угодливых с тонким подхалимажем фраз не содержала данная статья в адрес марксизма-ленинизма, XXV съезда КПСС, — она нацелена, главным образом, на то, чтобы увести читателя от главного социального момента, от сердцевины учения марксизма-ленинизма, от главного, на что делает упор XXV съезд КПСС, от **содержания** производительности общественного труда, от его роли для социалистической республики, и, наконец, — она нацелена на то, чтобы облить "научной" грязью Ленина, приписав последнему абсолютно несвойственный ему способ мышления — способ мышления обывателей в области науки, в особенности — общественной. При этом авторы статьи используют ювелирную технику изложения: каждый раз дают настолько "малую" долю извращения (они научились понимать бесконечно малые величины), что ощутить её сразу трудно. Читатель, будучи не в состоянии понять с первого раза такую "малость" извращения (малость извращения относительна, а именно, она берется относительно кругозора читателя), вынужден согласиться с авторами. Следующий момент — новая фраза с новым извращением. Под конец, читатель начинает понимать, к сожалению, не всякий, что его вводят в заблуждение, но не понимает, каким образом, с какого момента начали его оболванивать. Согласившись с предыдущим предложением, читатель становится, в конце концов, пленником авторов. Вот почему особо опасны те, кто работает под прикрытием марксизма-ленинизма против марксизма-ленинизма, против основ научного коммунизма. Если бы наши авторы с самого начала заявили, что они не согласны с Лениным по вопросу о производительности труда, то это было бы, с одной стороны, в тысячу раз честнее, а с другой — читатель отнесся бы к их взглядам более критично. Но в таком случае не исключена возможность, что их статья не была бы опубликована в теоретическом и политическом журнале ЦК КПСС. Расчет тонкий: редакционная коллегия, защищая честь своего мундира, будет надежно охранять честь авторов, хотя бы первая ненавидела последних за такую "свинью", которую они подсунули ей. А подсунули редколлегия журнала огромную "свинью". Будем надеяться, что редколлегия не "подавится" этой "свиньей", как это бывает иногда. Забегая вперед, следует сказать, что редколлегия уже "искупила" свою "вину", опубликовав недавно "Размышления" К. Маркса.

А теперь посмотрим, как маленький "поросенок" в руках авторов вырос в большую

"свинью".

"Анализируя суть нового общества, — пишут авторы, — ученые совершенно справедливо связывают его сущность с утверждением общественной собственности, без господства которой нет и не может быть подлинного социализма ([2], стр. 15). Вторая часть этого утверждения авторов верна, а первая (с позиций марксизма) является ложной, полумарксистской. Марксисты никогда не связывают сущность нового или старого строя с собственностью, напротив, они исходят из тех связей (производственных отношений), которые объективно обуславливают **целиком** и полностью ту или иную собственность (частную, государственную, общественную), тот или иной социальный строй. Общественная (а не государственная) собственность и социализм — суть одна. Но объяснять суть социализма через общественную собственность — это то же самое, что объяснять сущность одного яблока через другое с помощью словечек: яблоко-плод, без наличия плода "не может быть подлинного" яблока.

Выбрав в качестве базиса общества ложное начало, а именно собственность, авторы начинают извращать понятие самой общественной собственности. Для начала в ход пускают цитаты из марксизма-ленинизма. Цель: подкрепить высказанные только что мысли и перейти к новому "творческому" развитию теории научного коммунизма. Но даже эти небольшие отрывки из произведений классиков марксизма-ленинизма направлены против авторов. Приведем лишь цитату из работы Ленина:

"обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной "решительностью" без умения правильно учесть и правильно распределить, **обобществить же без такого умения нельзя**" ([2], стр. 15).

Марксист Ленин под "умением правильно учесть и правильно распределить" понимает умение разработать (установить) такие производственные связи (отношения), которые свойственны социализму, то есть общественному характеру средств производства. Из этого следует, что ученые, если они действительно хотят учесть "все факторы социальной жизни" ([2], стр. 16), при анализе нового строя, должны исходить не от собственности, в частности, — общественной, а от базиса строя, в частности, — от базиса социализма — должны исходить из основ научного коммунизма:

- 1) преодоление государства (преодоление производственных отношений, порождающих государство);
- 2) преодоление товарных отношений.

И то, и другое делается с помощью "умения правильно учесть и правильно распределять" (Ленин).

Однако наши авторы вместо того, чтобы задуматься над этими ленинскими словами, вновь седлают лошадку Дон-Кихота:

"Введение общественной собственности само по себе **не всегда** (выделено мной, — Т.З.) означает полную победу социализма, если еще не созданы соответствующие социальные и материально-технические предпосылки, обеспечивающие реализацию принципа "от каждого — по способностям, каждому — по труду",... вовлечение самых широких масс трудящихся в управление всеми делами общества" ([2], стр. 15).

Здесь налицо новое извращение. Если выше авторы в основу научного анализа клали общественную собственность и, тем самым, извращали марксистский подход, то здесь авторы смешали общественную собственность с ... , а, следовательно, и социализм, основанный на этой собственности, подвергли такой же переработке.

Согласно Ленину, общественную собственность нельзя ввести "без умения правильно учесть и правильно распределить", то есть без реализации принципа "от каждого — по способностям, каждому — по труду", без

"перехода **через** Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического вовлечения все большего числа граждан, а затем и **поголовно** всех граждан к непосредственному и **ежедневному** несению своей доли тягот по управлению государством" ([3], стр. 74),

а, согласно нашим авторам, введение **общественной собственности** возможно без "полной победы социализма", без реализации социалистического принципа распределения, без привлечения "**поголовно** всех граждан к непосредственному и **ежедневному** несению своей доли тягот по управлению государством". Правда, это возможно "не всегда". Вот в этом "не всегда" заключены новые ростки извращения теории научного коммунизма. При этом приведенное выше утверждение авторов повисает в воздухе, ибо при анализе сущности нового строя не всегда следует связывать его сущность с утверждением общественной собственности.

Когда марксисты употребляют термин "собственность", то этим они характеризуют кратко то отношение к средствам производства, которое, не являясь производственным отношением, целиком и полностью обусловлено производственными отношениями. Между прочим, собственность (отношение к средствам производства) есть составная часть управленческих отношений. При частной собственности и необходимости обмена продуктами одни лица управляют другими, что, в свою очередь, порождает рабство, а последнее является причиной того, что не люди управляют вещами, а вещи управляют людьми. Произведенная рабом и отчужденная от него вещь управляет поведением рабовладельца, а последний — поведением раба.

Однако все эти извращения ("мелкие" укусы) — лишь подготовка плацдарма для "штурма" ленинского тезиса. Авторы пишут:

"следует отметить, что неверно выдвигать, как это иногда делается, в качестве обязательного условия утверждения социализма в любой стране достижение высшей в сравнении с наиболее

развитыми капиталистическими странами производительности труда".

([2], стр. 15).

Заметим, что авторы не указывают, против кого они выступают. А выступают они против марксистов. Видимо, авторы думают по поводу Ленина, который писал : "либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также **и экономически**" ([3], стр. 198), что "гуманистическое содержание, потенции" ([2], стр. 17) Ленина были недостаточно развиты, чтобы правильно ориентировать партию, а **через нее** рабочий класс, а **через** последний — все трудящиеся массы. Видимо, авторы считают, что сегодняшний Генсек Л.И.Брежнев не владеет достаточно высоким гуманистическим сознанием, если он до сих пор не отказался от решения исторической задачи, поставленной Лениным, не стал на путь Ковалевых и Косичевых [4].

Авторы не лишены дипломатичности: "разумеется, оно (достижение высшей производительности, — Т.З.) **остается и еще будет** (выделено мной, — Т.З.) чрезвычайно актуальной задачей". Следовательно, настанет время, когда производительность труда окажется весьма второстепенной задачей, труд перестанет играть решающую роль для существования человеческого общества.

Но что делается дальше!

"Это (достижение высшей производительности, — Т.З.), — пишут авторы, — одна из важнейших задач соревнования социализма с капитализмом в международном масштабе" ([2], стр. 16).

По грамматическому смыслу под задачей кого-то (чего-то) понимается задача, которая решается кем-то (чем-то). Выходит, что достижение высшей в сравнении с наиболее развитыми капиталистическими странами производительности труда есть задача соревнования (взаимодействия) двух социальных строев. Выходит, что миллиардеры капиталистических стран очень обеспокоены тем, что наша страна не превзошла их по уровню производительности труда.

Соревнование между социализмом и капитализмом **ставит две совершенно** противоположные, взаимоисключающие задачи. И каждая задача решается не соревнованием между социализмом и капитализмом, а внутренним обликом каждого из этих строев. А вот вопрос "кто – кого", решается, безусловно, взаимодействием (соревнованием) между социализмом и капитализмом. И задача будет решена в пользу того, чья производительность общественного труда будет выше, чей строй, в конце концов, приобретет более гуманный облик.

"Мягко" полемизируя с одним из важнейших положений отчетного доклада ЦК КПСС XXV съезду партии, нанося дипломатический укол (авторы игнорируют тот факт, что в отчетном докладе слова, касающиеся роста производительности труда, выделены), авторы "дополняют":

"Однако при всем значении уровня производительности труда его нельзя рассматривать как

самодовлеющий показатель" ([2], стр. 16).

К чему все это? Какова цель? С одной стороны, авторы допускают (хотя в извращенной форме), что наличие борьбы (соревнования) социализма с капитализмом **вынуждает** поднимать производительность труда; не отрицают, что возросшие социально-экономические потребности **диктуют** с железной необходимостью резко повысить производительность труда, а с другой стороны, производительность труда нельзя рассматривать, как самодовлеющий, продиктованный внешними и внутренними условиями показатель. Это, во-первых. А во-вторых, разве ЦК КПСС в отчетном докладе рассматривает производительность труда **только** как самодовлеющий показатель? Разве не сказано в том месте отчетного доклада, которое цитируется авторами, что **"быстрый рост производительности труда, резкое повышение эффективности всего общественного производства"** есть та основа, которая позволяет "успешно решать многообразные экономические и социальные задачи, стоящие перед страной"? ([5], стр. 52). Разве из этого не следует, что производительность труда является не только и не столько "самодовлеющим показателем", сколько основой, исходным моментом для решения экономических и социальных задач?

Однако авторы на этом не успокаиваются:

"Известные ленинские положения — продолжают они — о достижении высшей производительности труда как условия победы социализма над капитализмом означают, что утвердившийся во всем мире социализм должен базироваться на более высокой производительности труда, нежели та, которую мог создать капитализм. Условием же утверждения социализма в каждой отдельной стране, его характерной чертой и отличием здесь является достижение более высокой производительности труда, чем та, которая существовала в этой стране в условиях капиталистического строя" ([2], стр. 16).

Приписывать Ленину такие **явные** подлости — разве это не есть клевета? Читатель, поверивший этим "гигантам мысли", сразу же заявит, что ленинизм устарел.

Авторы почему-то, "позабыли" уточнить литературный источник. Ленин во многих своих произведениях писал о производительности. Все написанное по поводу производительности — замечательно. Авторы, видимо, имеют в виду ленинские мысли из статьи "Великий почин":

"Производительность труда, это **в последнем счете** (выделено мной, — Т.З.) самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве, капитализм может быть окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда. Это дело очень трудное и очень долгое, но **оно начато**, вот в чем самое главное" (стр. 21, [6]).

Из заявления Ковалева и Косичева о В. И. Ленине следует:

1. Ленин говорит о будущем социализма, который, неизвестно, когда утвердится. Ленин ставит задачу не перед реально существующей социалистической республикой, а перед будущими социалистическими странами. Слова "оно начато, вот в чем самое главное" не принадлежат Ленину.

2. Ленин думает, что предел развития производительности труда при капитализме ограничен, что он не больше, чем заданное число, то есть производительность труда при капитализме растет до определенного периода, а затем перестает расти. Следовательно, согласно Ленину, производительные силы были лишены самостоятельности, революционизирующей роли. Ленин не понимает диалектику борьбы между капитализмом и феодализмом.

3. Ленин считает, что для утверждения социализма в отдельной взятой стране достаточно, чтобы производительность труда в этой стране была поднята на более высокий уровень, чем тот, которого достиг капитализм в этой стране. Например, для утверждения социализма в СССР достаточно было повысить производительность труда по сравнению с тем, что было в царской России в 1913 г. лишь на один процент.

4. Ленин считает, что социализм в одной отдельно взятой стране при более низком уровне по сравнению с капиталистическими странами производительности труда может существовать сколь угодно длительное время. Ленин не понимает, что обобществление производства принимает все большие масштабы, что оно уже при капитализме прорвало все национальные рамки. Ленин, который сделал вывод, что одновременная победа социалистической революции невозможна во всех странах, не понимает, что при гигантских размахах обобществления производства, при возникновении мирового производства социалистическая республика не может замкнуться сама в себя, как бы того она ни хотела. Слова: "либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически" не принадлежат Ленину. Это марксисты приписывают Ленину такие слова.

5. Ленин не понимает, что строить коммунизм в той социалистической стране, где производительность ниже, чем в капиталистических странах, невозможно, ибо потребности обусловлены не случайной производительностью, а наиболее высокой производительностью, не производительностью данной социалистической страны, а производительностью наиболее развитых капиталистических стран.

Такой "ленинизм", безусловно, является "теоретическим" фундаментом для ряда советских "ученых" типа Ковалев-Косичев, которые заявляют: "Общепринятым и научно-обоснованным является и тот факт, что победа социалистических общественных отношений не ведет к их немедленному перерастанию в коммунистические. Она открывает более или менее продолжительный период развития нового строя на собственной основе" ([2], стр. 17).

Из подобного толкования следует, что рабочий класс капиталистических стран, несмотря на

то, что он будет вести отчаянную борьбу с капиталом, не последует за таким социализмом, при котором производительность труда не может подняться на значительно более высокий уровень, чем при капитализме. Следовательно, рабочий класс капиталистического мира не пойдет по извращенному Ковалевыми и Косичевыми ленинскому курсу. Следовательно, возникает опасность, что рабочий класс отойдет от марксизма-ленинизма. А так как иного пути к коммунизму кроме марксизма-ленинизма нет, то рабочий класс в политической борьбе будет топтаться на месте, пока не осознает, что к чему, что ленинизм вовсе не то, за что его выдают Ковалевы и Косичевы.

Однако вернемся к самому Ленину. Из богатейших положений Ленина следует:

1. Производительность труда, **в последнем счете**, самое главное для победы нового общественного строя. Производительность труда является обобщающим (интегральным) показателем **всей** нашей деятельности.

2. Капитализм изгнал феодальные элементы со всех уголков мира благодаря тому, что появившийся в отдельных странах капиталистический способ производства увеличивал невиданными для феодализма темпами производительность труда. Ленин имеет в виду более ускоренное развитие. Диалектик Ленин никогда не допускал мысли, что поступательное развитие общества может остановиться даже при феодализме.

3. Более высокая производительность труда является причиной более дешевых товаров, которые, по словам Маркса, в руках капиталистов играют роль тяжелой артиллерии против феодалов. Дешевые товары отдельных капиталистических стран, проникая в феодальные государства, приводят их в вулканическое движение, способствуют ускорению развития социальной революции.

4. Капитализм может быть окончательно побежден тем, что социализм создает более ускоренными темпами новую, **гораздо** более высокую производительность труда.

5. Когда же производительность труда в одной или нескольких социалистических странах достигает более высокого уровня, тогда социализм утверждается в полном смысле этого слова. Социалистические отношения вместе с дешевыми товарами проникают в капиталистические страны в большей мере, нежели товары капиталистов в социалистический лагерь. Для рабочих капиталистических стран социализм становится живым примером, рабочие (все больше и больше) спланиваются вокруг коммунистических партий, вооруженных марксизмом-ленинизмом. Рабочие капиталистических стран признают **фактически** утверждения социализма в той или иной стране. Без такого фактического признания социализма со стороны рабочих развитых капиталистических стран говорить об утверждении социализма в своей стране — это самохвальство.

6. Пойми, что человек ты лишь среди людей (Низами).

Ковалевы и Косичевы стали докторами философии не потому, что они признали себя таковыми, а потому, что люди их признали.

"Чины даются людьми"... Но в данном случае люди ошиблись, ведь "Люди могут ошибиться".

7. Между социалистическим лагерем и капиталистическим ведется непримиримая борьба, борьба не на жизнь, а на смерть. Эта борьба ведется или может вестись, главным образом, по трем направлениям: товарообмен, гонка вооружений, создание все новых и новых видов вооружения, открытое военное столкновение. И четвертое направление — это идеологическая война. Последняя является составной частью первых трех видов борьбы. Победу по каждому направлению, а следовательно, и в целом, одержит тот строй, который сможет более высокими темпами наращивать производительность труда. Это азбучная и в то же время фундаментальная истина марксизма-ленинизма. До тех пор, пока открытая военная интервенция возможна, до тех пор гонка вооружений может лишь нарастать. Отсюда, если капитализм выделяет на вооружение, скажем, одну четверть национального дохода, следует, что социализм, у которого уровень производительности труда и абсолютные масштабы производства ниже, чем у капиталистического лагеря, должен выделять на вооружение больше, чем одну четверть национального дохода, если, конечно, хочет сохранить свою независимость. И это вынужденная мера. Каждый противник капитализма, насилия, сторонник пролетарского движения хочет вместе с нашим Генсеком сказать: "последний вздох пусть будет у врага" ([7], стр. 4).

Спрашивается, к чему все эти успокоительные разговоры о производительности, для чего потребовалось извращать ленинское положение о социализме и коммунизме? "Благое" пожелание обелить с помощью дуалистических рассуждений наши недостатки, которые ещё есть и которые препятствуют быстрому росту производительности труда, выливается в лучшем случае в болтовню, а в худшем — в открытую реакцию. "Мы поступим правильно, — указывает товарищ Л.И.Брежнев, — поступим по-ленински, если, отдавая должное достигнутому, сосредоточим внимание на недостатках, которые у нас еще есть, на нерешенных задачах" ([5], стр. 109).

Однако, авторы не только "уточняют" положения XXV съезда КПСС, не только преподносят научный образ Ленина в облике социал-филистера, но пишут огульно о советских ученых: "В работах советских ученых **убедительно** (выделено мной: Т. З.) показано, что при главенствующем влиянии экономических критериев сущность социализма невозможно определить, исходя только из них" (стр. 16). Авторы не уточняют, о каких ученых идет речь, о советских марксистах-ленинцах или о советских Ковалевых-Косичевых. Одним словом, авторы зачислили советских ученых в ряд тех, кто стоит на позициях дуализма.

Что такое сущность социализма, если это не главное в социализме? А если экономические критерии — главное в социализме, то почему они не отражают сущность социализма? К чему все

это? Оказывается, вот к чему: "необходимо принимать во внимание все факторы социальной жизни в совокупности, рассматривая социализм как саморазвивающуюся систему, создающую принципиально новый тип общественных отношений" (стр. 16, [2]).

Итак, читатель, опираясь на труды Ковалевых-Косичевых, должен сделать вывод: Ленин, который утверждал, что производительность труда — это, в конечном счете, самое главное, определяет сущность социализма, был узким специалистом, не учитывал "все факторы социальной жизни в совокупности". А так как Ленин опирался на труды Маркса и Энгельса, и развивал их учение, то и основоположники научного коммунизма были весьма узкими специалистами. Таким образом, творцы "Манифеста", "Происхождения...", "Капитала", "Диалектики природы", "Большевизма", "Государства и революции" зачислены в разряд узколобых спецов.

Есть ли основание (научный фундамент) у Ковалева и Косичева так рассуждать о всесторонности? Оказывается — есть! Глядите, что они пишут:

- 1) "социализм как саморазвивающаяся система создает принципиально новый тип общественных отношений, творит нового человека";
- 2) "общепризнанным и научно обоснованным является и тот факт, что победа социалистических общественных отношений не ведет к немедленному перерастанию в коммунистические" ([2], стр. 16).

Готов заверить и доказать, что такой всесторонностью подхода к решению научных задач не обладали ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, ни все они вместе взятые. Если под созданием "принципиально нового типа общественных отношений" понимать коммунистические отношения, а под новым человеком — человека коммунистической формации, то совершенно очевидно, что первое утверждение авторов исключает второе их утверждение. Эти два утверждения абсолютно несовместимы. Поэтому основоположники научного коммунизма не могли быть столь "всесторонними", чтобы выдвигать такие несовместимые, логически противоречивые утверждения. Может быть, Ковалев и Косичев под "принципиально новым типом общественных отношений" понимают вовсе не коммунистические отношения, а скажем, такие общественные отношения, которые обуславливают к средствам производства, к творениям предшественников такое отношение, какое у Ковалева-Косичева к произведениям Ленина? Но в таком случае оба утверждения авторов ошибочны: первое потому, что оно не ново, ибо такой "принципиально новый тип общественных отношений" существует уже несколько тысяч лет, второе — потому, что исходное положение данного утверждения ложно.

Согласно марксизму-ленинизму, социализм есть самосовершенствующаяся система ("саморазвивающаяся система, создающая принципиально новый тип отношений"), переходящая **немедленно**, сразу же к созданию совершенно нового отношения к труду (средствам производства: в этом смысле социализм предшествует общественной собственности, а не

общественная собственность социализму). Возникновение общественной собственности, то есть коммунистического отношения к труду, есть показатель развития коммунизма. Победа социалистических производственных отношений есть **начало** непосредственного перехода от **государственной** собственности к общественной, переход к коммунизму. Однако с этим марксистским выводом Ковалевы и Косичевы не согласны. Они уверяют, что победа социалистических общественных отношений... открывает более или менее продолжительный период развития нового строя на собственной основе" ([2], стр. 16). Ковалевы и Косичевы обещают рабочему классу рай на небесах. Но что такое "собственная основа"? Авторы выше уверяли, что таковой является общественная собственность. А у коммунизма какая основа? Тоже общественная собственность. Выходит, одна и та же основа может породить в разное время абсолютно непохожие отношения. Выходит, что курица может сегодня принести яйцо, а завтра — людей типа Ковалев-Косичев. Последовательность изложения авторов явно хромает.

И, наконец, остановимся на том, как понимают авторы развитой социализм. Это, — пишут они, важный этап первой фазы коммунистической формации. Это полностью сложившееся, упрочившееся и достигшее такой ступени социалистическое общество, на которой все более всесторонне раскрываются его преимущества по сравнению с капитализмом" (стр. 16-17, [2]). Авторы не считают нужным уточнять, с каким капитализмом они сравнивают социализм: с современным или с тем, что был до 1917 года. Ведь это положение играет в их "теории" фундаментальную роль. Пользуясь шарлатанским приемом авторов, который они применили против Ленина, можно легко доказать, что развитой социализм в их трактовке ничем не отличается просто от социализма, а последний, в свою очередь, ничем не отличается от любого другого строя, в том числе и от рабства.

Существо развитого социализма авторы видят в "гуманистическом содержании" и "потенциях нового образа жизни" ([2], стр. 17). Но разве большее гуманистическое содержание не есть более рациональное отношение к результатам человеческого труда — к средствам производства, к самому творцу истории — рабочему? Но разве результатом всего этого не является большая эффективность общественного производства при социализме по сравнению с **современным** капитализмом, а следовательно, — более ускоренные темпы развития производительности труда, а следовательно, с течением **определенного** промежутка времени **обязательное** превосходство по уровню производительности труда над капитализмом?

А что такое "потенции нового образа жизни"? Разве новый образ жизни целиком и полностью не обусловлен новым способом производства? Но разве потенции нового способа производства не сводятся к более высокой производительности?

А что такое "полнее действуют закономерности и принципы социализма" ([2], стр. 17)? Разве "победа социалистических общественных отношений" не означает "действие закономерностей и принципов социализма"? Или Ковалевы и Косичевы думают, что законы и принципы могут

действовать неполно, наполовину, а производственные отношения (которые являются результатом "действия закономерностей и принципов") — во всю полноту. Или, согласно Ковалеву и Косичеву, победа общественных отношений социализма — это вовсе не победа, а непосредственное начало решения социалистических задач? Но тогда следовало об этом сказать прямо.

А что такое "достигаются соответствующие его природе социальные цели" ([2], стр. 17)? Разве победа социалистических производственных отношений не означает достижение социальных целей социализма? Разве корова может родить свинью, свинья — собаку, собака — шакала, шакал — человека типа Ковалев-Косичев? Статью Ковалева-Косичева следовало назвать не "магистральной темой научного коммунизма", а магистральной темой опошления научного коммунизма.

3 0 том, что часто игнорируют

Посредством знаний ты найдешь
Оружие, если нужно.
Но знаний ты не обретешь
При помощи оружия.

Насир Хосров

Ковалевы и Косичевы игнорируют одно из двух открытий, сделанных Марксом, и которые, по словам Энгельса, являются основой научного коммунизма. Экономические отношения "образуют ту реальную основу, которой и объясняется в конечном счете вся надстройка" ([8], стр. 208). На место этого закона Ковалевы и Косичевы вытаскивают рассуждения об общественной собственности, которая, в свою очередь, извращается. В связи с игнорированием закона о базисах и надстройках, упускается также из виду закон, который является одним из условий революционного преобразования общества, перехода от одной экономической формации к другой, а именно закон о соответствии характера производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил. В связи с игнорированием этого последнего закона, раскрытию содержания которого посвящен величайший труд Маркса "Капитал", упускаются из виду те научные выводы относительно экономических отношений, которые играют роль критериев, ориентиров для дальнейшей конкретной разработки теории научного коммунизма, теории антикапитала (не в смысле антимарксизма, а в смысле продолжения марксизма на противоположную плоскость). Капитал (классовое общество) вращается вокруг разделения труда, доведенного до разъединения интересов, антикапитал (бесклассовое общество) основан на преодолении разделения труда посредством **соединения интересов**. Социалистические производственные отношения прямо противоположны капиталистическим производственным отношениям. Если капиталистические общественные отношения характеризуются наличием государства и товарных отношений, то социалистические общественные отношения избавляются от таких дикообразных приемчиков как государственное управление и товарообмен.

Содержание производственных отношений капитализма было раскрыто Марксом, благодаря сделанному им открытию — прибавочной стоимости (закона распределения произведенного продукта, который гласит: валовой продукт или созданная совокупная стоимость распределяется *прямо* пропорционально вложенным стоимостям). Капиталист вкладывает в производство, скажем, средства стоимостью в один миллион долларов, а рабочий — свои руки стоимостью в одну тысячу долларов. При указанных пропорциях и господстве капитала капиталист получит дохода в тысячу раз больше, чем рабочий. И поскольку новая стоимость создается лишь рабочей силой, то капиталист каждый раз присваивает неоплаченный труд рабочих. Это и есть основной закон капитализма. Он (закон) раскрывает внутренний антагонистический характер капитализма.

Характер социалистических производственных отношений может быть раскрыт лишь с

помощью прямо противоположного закона распределения произведенного продукта. Это закон гласит: общественный продукт распределяется *обратно* пропорционально вложенным (потребленным) стоимостям — овеществленному общественному труду. Заметим, что готовый специалист — **тоже** овеществленный общественный труд. От имени каждого члена социалистического общества выступают его рабочие руки. Средства производства выступают от имени всего общества, что **обеспечивается тем, что каждый получает обратно пропорционально используемым им средств производства**. Раскрытие содержания этого закона есть как раз теория антикапитала. Однако ряд наших ученых всячески игнорируют это важнейшее положение — основной закон социализма, обходят его молчанием. На место его выдвигают поповские рассуждения о благосостоянии народа, гуманизме, потенциях нового образа жизни и так далее. И чтобы "теоретически" обосновать свои притязания, дюринговцы преподносят вместо закона о базисах и надстройках бессвязные рассуждения о собственности. С помощью дюринговской всеобъемлющей "теории" о собственности Ковалевы и Косичевы за умеренные дюринговские прибавки опошляют "умеренно" основы научного коммунизма. При этом все делается под флагом марксизма-ленинизма.

Так два важнейших **качественных** вывода о государстве и товарных отношениях марксизма-ленинизма по существу ими отвергнуты. Они пытаются "доказать" необходимость наличия государства и товарных отношений при социализме. Дюринговцы, которые без элемента насилия не могут понять общества, уверяют, что при общественной собственности государство теряет свои антинародные свойства, забывая при этом, что общественная собственность при наличии государства невозможна. Дюринговцы не понимают, что диктатура пролетариата играет роль государства только по отношению к эксплуататорским элементам, (да и то наполовину: она притесняет эксплуататорские элементы, но не воспроизводит это притеснение, как это делает государство по отношению к рабочим), а по отношению к рабочим и бедным слоям крестьян она не является государством. Когда же диктатура пролетариата начинает играть роль государства по отношению к рабочим и бедной части крестьян, тогда она перестает быть таковой (диктатурой пролетариата). Это первое, на чём споткнулись наши полумарксисты. Затем они споткнутся и на способе обмена. Дюринговцы заявляют, что социализму свойственны товарные отношения, но, говорят они, это другие товарные отношения, Дюринговцы, забывая, что "Гений и злодейство — две вещи несовместны", уверяют, что при общественной собственности допустимы товарные отношения, что, в конечном счете, сводится к выводу: товарные отношения могут породить общественную собственность, шакал — человека типа Ковалев-Косичев.

Но одна «кость», застрявшая в горле наших дюринговцев, долго их беспокоила и продолжает, видимо, беспокоить. Это — количественный показатель наличия социализма, переходного периода к высшей стадии способа существования человеческого общества. Это — вопрос о производительности труда. Нашим дюринговцам, видимо, нередко приходится держать

ответ перед партийными и государственными руководителями. Последние напоминают: почему вы не разработали до сих пор **соответствующие** социализму научные методы, которые бы позволили реализовать преимущество социализма перед капитализмом на деле, а не на словах? Наши дюринговцы, не зная как ответить на этот вопрос, желая спасти свои дюринговские прибавки, прибегают вновь к старым приемам: отвергнуть любым способом этот количественный показатель научного коммунизма. Но как это сделать? Конечно, лучше всего это сделать без всякого шума, "скромно", приписав кому-нибудь из трех гениев какие-либо нелепости. В таких случаях, как правило, больше всего достается Ленину, как последнему из могикан. Достается и Энгельсу, но меньше, чем Ленину, Марксу— меньше всех. Напасть непосредственно на Маркса они уже не осмеливаются: помнят судьбу Дюринга, этого карлика разума с претензиями на гениальность. Однако все нападки на Энгельса и Ленина предусматривают одну и ту же цель: отвергнуть учение Маркса. С помощью ссылок на реальный социализм и намеков в адрес Ленина Сталин пытался "теоретически" обосновать наличие государства при социализме. При помощи ссылок на Ленина и реальный социализм дюринговцы, "критики" Сталина (до и после его смерти) пытались "теоретически" обосновать наличие товарного производства при социализме. Наши горе-ученые того не понимают, что реальный социализм постольку реален, поскольку советские государственные органы под **руководством коммунистической партии** наложили весьма серьезные ограничения на государство и товарные отношения и постольку этот реальный социализм нереален, поскольку не устранены экономические основы товарных отношений и государства. И если теперь некоторые ученые пытаются обосновать этот реальный социализм на веки-веков, то этим они способствуют реакции, а не прогрессу.

Сталин отошел от марксизма-ленинизма по вопросу о государстве, но не тогда, когда он, как лев, сражался с Троцким и Бухариным, — тогда наблюдалось лишь некоторое непонимание им сущности диктатуры пролетариата. Но это, хотя содержало в зародыше историческую ошибку, не было отходом от марксизма-ленинизма. Сталин по вопросу о способе обмена не изменил марксизму. Но заметим, что Сталин не улавливал сущность социалистического способа обмена точно так же, как сущность социалистического способа управления (диктатуры пролетариата). Сталин совершил грубую ошибку, но не предал дело Октября. Не совершить такую ошибку Сталин, по-видимому, не мог. Причина тому — несоответствие способностей Сталина, как теоретика, хотя выдающихся, его величайшему авторитету. Этот разрыв оказал медвежью услугу самому Сталину, как теоретику, как марксисту-ленинцу, коммунисту. Авторитет Сталина создавался вокруг его боевых, революционных качеств, вокруг Сталина-бойца за коммунизм, а не Сталина-теоретика. Будем надеяться, что грубая ошибка Сталина, которая оплодотворила нашу практику и теорию, будет лишь тяжелой, но не катастрофической для первой в мире коммунистической партии, для первой социалистической республики.

Ошибки ряда ученых по вопросу о государстве и товарных отношениях можно было считать

чисто теоретическими, следствием недостаточного понимания ими основ научного коммунизма. Но это до тех пор, пока они признавали третий критерий наличия перехода к коммунизму — количественный показатель о производительности труда. Не понимать роль качественных показателей (государства и товарных отношений) — это полбеда, не понимать роль количественного показателя — это полная беда, это политическая ошибка. Поэтому, когда ряд ученых начинает атаковать и этот критерий (производительность общественного труда), тогда вся их дюринговская сущность оголяется, на поверхность начинают выступать не просто ошибки, а соответствующие интересы.

Мы видим на примере Ковалева и Косичева, как дюринговцы опошляют третий критерий научного коммунизма. Можно было терпеть до поры до времени их рассуждения об общественной собственности, то, как они с помощью этой категории обеляют государство и товарные отношения. Но теперь, когда преимущества общественной собственности перед частной — значительно более высокие темпы развития производительности общественного труда — подменяются на расплывчатые рассуждения о гуманизме и потенциях, тем самым общественная собственность, фактически, подменяется на частную, теперь терпеть нельзя. Это равнозначно предательству дела Октября, дела КПСС, дела трудящихся. Основоположники научного коммунизма видели преимущества общественной собственности по сравнению с частной в том, что "обращение средств производства в общественную собственность устраняет" ([8], стр. 226) существующие при частной собственности тормозящие силы. "Освобождение средств производства от этих оков, — продолжает Энгельс — есть единственное предварительное условие непрерывного, постоянно ускоряющегося развития производительных сил" ([8], стр.226). Следовательно, при строительстве социализма и коммунизма, освобождаясь от наложенных классовым обществом оков, происходит непрерывное увеличение ускорения производительных сил. Величина этого ускорения, которое есть не что иное, как темпы прироста производительности труда, стремится к своему верхнему пределу, который соответствует полному коммунизму. Марксист Ленин, когда писал о производительности труда, имел в виду эту сторону производительности **общественного** труда. Каждый новый строй побеждает благодаря тому, что использует средства производства более экономно, увеличивает по сравнению с предшествующим строем величину темпов прироста производительности общественного труда. Таков вывод марксизма, таков вывод ленинизма, таков вывод ЦК КПСС и его Генсека, который неустанно повторяет, что "для того, чтобы **успешно** (выделено мной, — Т.З.) решать многообразные экономические задачи, стоящие перед страной, нет другого пути, кроме быстрого роста производительности труда, резкого повышения эффективности всего общественного производства" ([5] стр. 52). "Упор на эффективность, — продолжает Л.И.Брежнев, — и об этом приходится говорить вновь и вновь, — важнейшая составная часть всей нашей экономической стратегии" (стр. 52, [5]). Почему "приходится говорить вновь и вновь" об эффективности, о том, что самое главное в конечном счете? Да только потому, что находятся дюринговцы, которые с

помощью расплывчатых рассуждений о гуманизме, потенциях пытаются увести партию и народ от указанных марксизмом-ленинизмом ориентиров движения к коммунизму. Они (дюринговцы) играют роль Ивана Сусанина, но в ином смысле.

ЦК КПСС, защищая марксистско-ленинский вывод об эффективности общественного труда, конечный вывод научного коммунизма (или, говоря на чисто экономическом языке, конечный продукт марксизма-ленинизма), защищает весь марксизм-ленинизм от опошления. Это должны понять те ученые, которые для обоснования "теории" хватаются за малейшие объективно необходимые отступления руководителей партии и правительства от "чистых" правил социализма и коммунизма. Так, ряд экономистов посредством ссылок на работы Ленина периода НЭПа пытается обосновать необходимость товарного производства при социализме. При этом они забывают, что Ленин смотрел на НЭП, как на отступление от социализма, но как на необходимое отступление, результатом которого он считал еще более решительное наступление на капиталистические элементы. Без НЭПа такое решительное наступление на капиталистические элементы, какое совершила Советская власть, было бы просто невозможно. Экономическое учение Ленина есть прямое продолжение его учения о государстве: через **советское государство уничтожить всякое государство**. Кое-кто пытается обосновать необходимость наличия товарных отношений при социализме ссылками на проведенную в конце 60-х годов экономическую реформу. При этом они забывают, что руководители партии и правительства пошли на эту меру в силу объективного фактора, в силу того, что наши дюринговцы вместо того, чтобы заниматься разработкой теории антикапитала — политической экономии социализма и исторического материализма в новых условиях — и этим самым оказывать огромную помощь партии и правительству, а через них — рабочему классу Советского Союза, а через последнего — всему рабочему движению мира по пути прогресса, вместо этого они предпочитают говорить о преимуществах социализма с помощью поповских словечек о гуманизме и потенциях этого строя.

Партия ставит задачу перед учеными: разработать **соответствующие социализму** экономические меры, которые позволят резко повысить эффективность всего общественного производства. А наши дюринговцы вместо того, чтобы решать эту задачу, зарабатывают себе дюринговские прибавки посредством угодливых обращений:

1) Вы, дорогой товарищ Сталин, — великий гений. Благодаря Вам наш народ движется семимильными шагами. Вы разработали новую теорию о государстве, открыли основной закон социализма.

2) Ты, дорогой Никита Сергеевич Хрущев, — великий ленинец. Ты избавил нас от сталинской тирании, благодаря тебе, мы дышим свободно. Ты сказал, что Сталин допускал ошибки в хозяйственной жизни, а мы теоретически обосновываем необходимость превращения крупных производительных сил в товары.

3) Вы, дорогой Леонид Ильич Брежнев, — выдающийся государственный деятель. Вы последовательно исправляете ошибки, допущенные ранее. Вы боретесь против пустозвонства. Вы защищаете главный критерий наличия движения к коммунизму. Это совершенно правильно, товарищ Леонид Ильич Брежнев. Однако преимущества социализма перед современным капитализмом в его гуманизме, потенциях. Вы на XXIV съезде КПСС делали упор на эффективность. Мы эту задачу в IX пятилетке не решили. И это не случайно! Главные преимущества социализма в его потенциях и гуманизме, а не в производительности. Вы, товарищ Брежнев, вновь на XXV съезде КПСС сделали упор на эффективность. Не отрицаем, — говорят дюринговцы, — эффективность — важный вопрос. Однако дело не только в эффективности, но и в гуманизме и потенциях, которые измеряются в единицах ковалев-косичев.

Дюринговцы, подобно Сталину, ссылками на практику реального социализма пытаются доказать справедливость своих антимарксистских утверждений. При этом дюринговцы забывают, что никакая практика строительства социализма не может опровергнуть основные положения марксизма-ленинизма, касающиеся способа управления, обмена, распределения, потребления. Эта практика может только подтвердить положения марксизма-ленинизма. Основные положения научного коммунизма получены из анализа тысячелетней практики человеческого общества. Если конечные результаты практики не соответствуют основам научного коммунизма, то это лишь означает, что данная практика далека еще от совершенства, она еще, в лучшем случае, не вполне социалистическая, что ученым еще не удалось разработать соответствующие экономические меры, полностью удовлетворяющие положениям марксизма-ленинизма, а партии и правительству приходится пользоваться пока чужой ложкой.

При качественном анализе наши дюринговцы забывают или не понимают, что товарные отношения основаны на **независимости интересов** производителей. И чтобы в таком обществе люди не пожрали друг друга, возникает необходимость в другом экономическом отношении, которое и обуславливает или, точнее, и есть государство. Суть этого отношения — односторонняя зависимость. Результатом этой односторонней зависимости (государства) является эксплуатация человека человеком. Классы возникли с возникновением односторонней экономической зависимости, которая, в свою очередь, порождена разделением труда, доведенного до разделения интересов. Классы могут быть уничтожены только с помощью введения государственности, основанной на двусторонней материальной зависимости. Такая организация называется диктатурой пролетариата. Однако диктатура пролетариата играет роль государства (правда, наполовину), т.е. органы государства не желают быть зависимыми от буржуазных элементов до тех пор, пока последние не изменят свою суть, не превратятся в рабочих. Это положение не понимал Бухарин, за что его вслед за Лениным критиковал Сталин. И правильно делал. Но Сталин в этом направлении чрезмерно переусердствовал, результатом чего было его "каутскианское"

непонимание самого главного, а именно того, чем отличается диктатура пролетариата от государства, что материальная жизнь органов диктатуры пролетариата должна быть зависимой от материальной жизни рабочих, и что именно с этого момента начинает входить социализм в свои рамки.

Наши дюринговцы, "забывая" про все это, разглагольствуют с омерзительным угодничеством о положении руководителей, о том, что надо заботиться об их здоровье и покое, что надо создавать для них специальные столовые и дома отдыха. Они очень заботятся о том, как бы у наших руководителей не расстроились животы и не понизились их потенции, гуманизм, результатом чего вполне может оказаться тот исторический факт, что дюринговцы будут лишены дюринговских привилегий.

Когда в одном и том же предприятии возникает такая "собственная основа", что рабочие и рядовые служащие ходят в одну столовую, а высший руководящий персонал, включая секретарей парткома и председателей заводских комитетов профсоюза, посещают другую, куда нет доступа рабочим, то такая "собственная основа" не ведет к коммунизму, ибо она ничего общего с социализмом не имеет.

Когда в одном и том же предприятии рабочие лечатся за свой счет, а начальники за счет государства, то такой порядок, такая "собственная основа" не ведет к коммунизму, ибо она ничего общего с социализмом не имеет. Когда самообслуживание обязательно только для рабочих и не обязательно для руководителей, то такой порядок называется не социализмом, а лакейством, и, безусловно, такая "собственная основа" не открывает дорогу к коммунизму.

Наши дюринговцы за стаканом вина, а не с ручкой в руке, вспоминают про эти и другие поверхностные признаки разложения общества "на собственной основе". Зато они абсолютно не понимают или преступно игнорируют тот факт, что если изменения материальных благ (заработной платы, жилья и др.) Ковалева не зависят от изменения материальных благ Косичева, то на такой "собственной основе" общество не может двигаться к коммунизму вообще ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Такая "собственная основа" есть основа товарных отношений. На основе товарных отношений, если они ежедневно, ежечасно не отмирают, возникнет рано или поздно капитализм.

Наши дюринговцы не понимают того факта, что, если изменения жизненных благ Ковалева не зависят от изменения материальных благ Косичева, но зато изменение производства Ковалева решающим образом зависит от изменения производства Косичева, то возникает антагонизм между общественным характером производства и частным присвоением. Они, дюринговцы, не понимают, что производство все более становится общественным, тогда как распределение остается частным, и чтобы при этих условиях люди не пожрали друг друга, возникает необходимость во введении новых связей, отношений в обществе. Все члены общества признают

эти новые отношения столь же необходимыми, как и товарные. В этом их сила, объективность, независимость от воли и желания отдельных людей, а в начальный период даже от воли всех людей поголовно. И эти отношения есть государство. Поэтому всякое государство есть народное, то есть оно есть **продукт** всего народа. Но суть этих отношений (государства) такова, что изменение материальных благ Ковалева зависит от воли Косичева, а изменение материальных благ Косичева не зависит от воли Ковалева. В период рабовладельческого общества первый (зависимый) называется рабом, второй (независимый) — рабовладельцем, в период феодализма первый называется крепостным, второй — феодалом, в период капитализма первый называется рабочим, второй — капиталистом, в период строя, развивающегося "на собственной основе", первый называется рабочим, второй — начальником. Но так как во всех этих социально-экономических формациях естественные интересы производителей материальных и духовных богатств попираются, рабы начинают возмущаться. И для того, чтобы возмущенных рабов держать в подчинении, возникает необходимость в организованном аппарате насилия: армии, прокуратуре и др. Организованный отряд насилия по количеству всегда меньше, чем число рабов. Огромное количество рабов держится в подчинении с помощью меньшего количества за счет особого способа организации. И этот способ организации называется государством. Государство пронизывает все слои общества снизу доверху. Потому великий демократ Н. Г. Чернышевский писал примерно следующее: "Все снизу доверху — все рабы".

В то же время практика классовой борьбы постоянно учит одному и тому же: без соединения усилий, без собственной организации освободиться от рабства невозможно. Однако практика классовой борьбы учит также, что для избавления от рабства необходим особый, отличный от государства, способ соединения. Основоположники научного коммунизма, изучая классовую борьбу, бросили разлагающемуся "на собственной основе" обществу вызов. Они выдвинули гениальный лозунг: *"Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"*. Вся теория научного коммунизма содержится, как в зародыше, в этой краткой фразе. Пролетарский интернационализм пронизывает абсолютно все положения научного коммунизма. Там, где этот принцип нарушается, происходят отход от коммунизма, и, наоборот, там, где отходят, хотя бы теоретически, от коммунизма, нарушают этот великий принцип. Единство и еще раз единство интересов — вот, в чем суть пролетарского интернационализма. И на этот момент яснейшим образом указывает ЦК КПСС в своем отчетном докладе XXV съезду партии: "требуется совершенствования вся система показателей, лежащих в основе оценки деятельности министерств, объединений и предприятий, и прежде всего эффективности и качества их работы" ([5], стр. 72). ЦК, определив систему показателей: хозяйственный расчет, прибыль, цена, премия, которые следует усовершенствовать в соответствии с основными положениями научного коммунизма, прямо и недвусмысленно указывает на тот единственный способ, который только может решить указанные задачи в духе коммунизма: "Эти показатели призваны соединять воедино интересы работника с интересами предприятия, интересы предприятия с интересами государства" ([5], стр. 72). И тогда, когда эта

задача будет решена теоретически, а затем практически, надобность в разговорах о государстве и товарных отношениях вместе с последними исчезнет сама по себе.

Часто под отмиранием государства понимают чуть ли не техническую сторону организации — исчезновение правительственных органов, директоров предприятий — носителей централизации. Ничего более наивного придумать нельзя. Техническая организация при социализме и коммунизме сохраняется и по мере необходимости будет совершенствоваться. Марксисты под отмиранием государства понимают политэкономическую сторону: уничтожение односторонней материальной зависимости одних лиц от других. Вместе с этим актом исчезает у людей потребность в таких действиях, которые юристы расценивают как преступление. С отмиранием же таких потребностей исчезает надобность в прокуратуре, милиции. Армия сохраняется до тех пор, пока существует капиталистическое окружение. Но из сохранения армии вовсе не следует сохранения государства. Подобные нелепости были в свое время навязаны партии Сталиным. Марксисты под уничтожением односторонней зависимости (государства) понимают не устранение этой зависимости вообще, как это требуют демократы — "левые". Этой левацкой болтовней о демократии, свободе личности, к сожалению, ослеплены руководители ряда компартий. Марксисты под уничтожением односторонней материальной зависимости понимают введение в дополнение к **этой** существующей зависимости **другой**, прямо противоположной материальной зависимости, и, тем самым, обе зависимости как бы исчезают, взаимно поглощают, уничтожают друг друга. С исчезновением государства исчезает и демократия. Такая двусторонняя зависимость означает соединение интересов людей, на что не первый раз указывает ЦК КПСС, но что не первый раз игнорируют дюринговцы. Она есть экономическая суть пролетарского интернационализма. Она есть суть диктатуры пролетариата.

Часто под отмиранием товарных отношений при социализме и коммунизме понимают исчезновение закона стоимости, как принципа рационального обмена. Ничего более наивного придумать нельзя. Наши дюринговцы заявляют, что закон стоимости есть закон товарных отношений. Но беда не в этом заявлении, ибо оно правильно, а в том, что, отрицая способ обмена при капитализме, они отрицают и тот стержень, вокруг которого вертится всякий обмен, в частности, капиталистический обмен. И так как наши дюринговцы не понимают разницы между принципом обмена вообще и способом реализации, в частности, и так как ни одно общество без обмена существовать не может, то дюринговцы делают вывод: раз есть необходимость в сохранении рационального обмена при социализме, чем является, в частности, закон стоимости, то, следовательно, и товарные отношения сохраняются. Мы видим тот же бесплодный спор, который велся и ведется между анархистами, выступающими против насилия, отрицающими централизм, и оппортунистами, которые под тем предлогом, что общество без принципа централизма существовать не может, защищают наличие государства при социализме, не могут понять общество без наличия государства.

Дело не меняет и тот факт, что закон стоимости был открыт при наличии развитых товарных отношений. Закон стоимости был открыт при товарных отношениях потому, что он перестал выполняться в каждом конкретном случае, что, естественно, люди рано или поздно должны были заметить. Представьте себе Некого, едущего в поезде, который сначала двигался равномерно без толчков, а затем с переменным ускорением (положительным и отрицательным). Представьте, что этот Некий, который сначала не подозревал, что едет в поезде, вдруг, испытав на себе переменное ускорение, восклицает: "Закон движения есть результат приложения переменной силы". Так вот, наши дюринговцы, когда уверяют, что закон стоимости есть закон товарных отношений, напоминают этого Некого. Безусловно, в их рассуждениях есть доля правды. Но беда не в том, что в их рассуждениях имеется только доля правды, а в том, что они эту долю хотят выдать за единицу, а следовательно, убивают правду окончательно.

Марксисты под уничтожением товарных отношений понимают устранение взаимной отчужденности, независимости интересов, то есть введение таких хозяйственных мер, которые бы, как указывает ЦК КПСС, соединяли воедино интересы различных работников на деле, а не на словах. Наши дюринговцы все это либо не понимают, либо преступно игнорируют, разглагольствуя о потенциях и гуманизме нового общества, развивающегося "на собственной основе". Наши дюринговцы не понимают, что интересы тех руководителей предприятий, которые расхаживают в своих огромных кабинетах по коврам, не соединены с интересами тех малышей, которые в тесных помещениях яслей бегают по холодному полу. Если бы интересы руководителей были соединены с интересами малышей, то первые незамедлительно передали ковриковые изделия в распоряжения детских яслей и садов. Результатом этого гуманного решения было бы уменьшение заболеваемости детей, а следовательно, уменьшение непроизводительных расходов на матерей этих малышей по больничным листом, увеличение производительности общественного труда, общественного богатства. Наши дюринговцы забывают обо всем этом, они разглагольствуют о потенциях и гуманизме, игнорируя огромные возможности повышения потенций и гуманизма.

Дюринговцы (государственники и товарники) пытаются убедить людей, что социализму свойственны государство и товарные отношения, но при этом они заявляют, что рабочая сила перестала быть товаром при социализме. Этот вывод есть результат либо явного невежества, либо сознательного обмана. Рабочая сила может быть товаром в двух видах: 1) в чистом виде, как при капитализме, или 2) в смешанном виде, как при рабстве и крепостничестве. Если сохраняются товарные отношения, то рабочая сила остается товаром. При этом, если кодекс о труде предусматривает статью, согласно которой любой рабочий может уволиться по собственному желанию, то рабочая сила является товаром в чистом виде, если же устранить эту статью, то предприятия в силу объективной необходимости будут обмениваться определенным количеством рабочих, то есть рабочий станет целиком и полностью товаром. Дюринговцы закрывают глаза на такой факт, как текучесть кадров, и вызванные этой текучестью огромные потери рабочего

времени. Это — результат торговли рабочей силой. Рабочий торгует своей рабочей силой. Это факт. Но торговля далеко не односторонняя. Торгует и администрация предприятий. Тринадцатая зарплата — это результат торговли. Учет длительности пребывания рабочего на одном предприятии при повышении оклада или распределении жилья — это результат торговли. Переходы рабочих и инженеров из одних предприятий в другие с повышением заработной платы (хотя отдача их, как правило, понижается) — это результат торговли. Некоторые администраторы, когда их предложения о предоставлении жилья тому или иному сотруднику отвергает профсоюзная организация, начинают убеждать руководителей профсоюзов в том, что администрации с большим трудом удалось заполучить данного специалиста, что этому специалисту обещали новую квартиру в том случае, если он перейдет в их организацию. И когда администрации не удастся привлечь большинства на свою сторону, она начинает прощупывать слабые места профсоюзной организации, вступает в торг с соответствующими ее представителями. Таким образом, администрация с помощью торговли достигает своей цели. При товарных отношениях торгуют не только рабочей силой (рабочий — мастеру: припиши мне сверх нормы столько-то, а я сделаю тебе то-то, мастер — рабочему: сделай то-то, а я припишу тебе столько-то), но и должностями.

4 "Историческая" беседа, состоявшаяся между Шефом и Дружищем

Если не крикнет хозяин про дерзкие кражи,
Сбережет ли свой склад он от собственной стражи.

Низами

Дружище. Дорогой Шеф, не откажите принять мое искреннее уважение, извольте отобедать со мной.

Шеф (кладя руку на плечо своего подопечного). Дружище, мне кажется, ты заслуживаешь более высокого положения.

Дружище. Спасибо, Шеф.

Шеф. Да, не забудь, Дружище, что вот этот тип (намекает на своего недруга) отвратителен.

Дружище. Дорогой Шеф, мы этому негодяю рога обломаем.

Шеф. Дружище, тебе пора кандидатскую защищать.

Дружище. Да я совсем маленький человек.

Шеф. Ты скромный человек, это самое главное. Вот тот тип совсем иначе думает о себе.

Дружище. Так он никогда, либо очень редко говорит о том, что сделал.

Шеф. Зато он никогда не говорит, что он маленький человек.

Дружище. Я все понял. Шеф, вы просто гений. А на чем мне защитить диссертацию?

Шеф. Это очень просто. Заяви, что $2 \times 2 = 5$. Это будет ново.

Дружище. Это не совсем так.

Шеф. Но не в нашем институте.

Дружище. И в нашем тоже.

Шеф. Но не в нашем подразделении.

Дружище. И в нашем тоже.

Шеф. Но не в нашем отделе.

Дружище. И в нашем отделе тоже.

Шеф. Но если другим можно так говорить, то ты это должен обобщить, доказать иным путем. Это будет основа для хорошей диссертации.

Дружище. А как быть с конечными научными и практическими результатами, которые

якобы получены на основе нашей новой теории?

Шеф. Ты, действительно, скромный человек, тебе я рад всячески содействовать. Конечные результаты возьми у кого-нибудь. Главное, чтобы теоретическая шляпа была твоя.

Дружище. А если разоблачат нас?

Шеф. Твоя скромность достойна всяких похвал. К тому времени, когда кто-то догадается о твоём "открытии", нас будут вынуждены поддерживать большие силы: редколлегия журнала, которая обнародует твоё "творение", администрация различных уровней, которые скрепят к тому времени твои труды своими подписями, выделяют высокие именные премии, ученый совет, которому мы подсунем крупную "свинью".

Дружище. Эти силы возненавидят нас потом и раздавят.

Шеф. Ты поистине молодец, твоя скромность радует мою душу. Эти силы вынуждены будут обелять нас. Мы на этом деле заработаем многое: премии, более высокие оклады, медали и даже ордена.

Дружище. Шеф, вы поистине гений.

Шеф. Учись, пока я живой.

Дружище. Да, но у кого-то нервы могут подкачать, кто-то может проявить невыдержанность и обратиться с жалобой к высшим инстанциям, которые в соответствии с нашими законами обязаны ответить на жалобу.

Шеф. Во-первых, то, что ты называешь нашими законами, не совсем наши, а именно, — их формальная сторона. Но главное не в формальной стороне, а в том характере ответа, который мы с тобой или высшие инстанции могут дать тому или иному типу. До сих пор я учил тебя тому, что такое сущность товарных отношений, тому, как они помогают нам защитить диссертацию по теме: $2 \times 2 = 5$. А теперь я раскрою тебе сущность государства.

Дружище. Хотите сказать, как вы господствуете надо мной?

Шеф. Мы с тобой — друзья, ты мой преданный помощник. Ты, например, здорово покусал того типа, который проявил непочтительность по отношению ко мне, — хотел быть самостоятельным. С другой стороны, я не раз оказывал тебе милость. Ты защитил диссертацию по теме: $2 \times 2 = 5$. Почему ты смог защитить эту тему? Потому, что я дал хороший отзыв, потому, что я знал, кому следует отдавать твою работу на отзыв. Главное — не содержание работы, главное — подобрать оппонентов.

Дружище. Это понятно, почему вы дали хороший отзыв: я вас угостил, покусал вашего недруга, вот того типа, который осмелился выступить с критикой в ваш адрес. Непонятно только одно. Почему ученый совет высоко оценил мою работу? Я ведь не давал взятки членам ученого

совета, не кусал противников членов ученого совета, одним словом, я не оказывал им никаких услуг. Чем объяснить их милость по отношению ко мне?

Шеф. Куда девалась твоя скромность? Ты начинаешь опасно мыслить, ставишь острые вопросы.

Дружище. Напрасно вы беспокоитесь. Так думаю не только я, такие вопросы почти ежедневно ставят корреспонденты газет, в особенности корреспонденты "Правды", "Известий", "Труда".

Шеф. Да-да, я догадываюсь, откуда распространяется эта зараза. Эх! Вздернуть бы этих собственных и несобственных! К счастью, они заканчивают свой поход против нас, как правило, острой постановкой задачи. Ответить на свои вопросы эти корреспонденты либо пока не могут (не понимают, в чем дело) либо побаиваются дать лишний козырь врагам коммунизма. Этот страх перед деятелями антикоммунизма мы всячески подкрепляем: он надежно охраняет нашу "собственную основу", ограждая нас от коммунистической заразы. Но ты, Дружище, должен знать, что правильный, с точки зрения научного коммунизма, ответ на твой вопрос пока не могут дать не только корреспонденты газет, но даже преданные делу коммунизма профессора. Я-то могу ответить на твой вопрос: у меня есть для этого зеркало, называемое марксизмом-ленинизмом. Заглянув в это зеркало, я могу ответить практически на любой твой вопрос касательно общественного развития. Но тебе этого не надо знать. Ты должен знать лишь то, что мы с тобой связаны крепкой веревкой, называемой вот этим типом экономическим отношением (этот негодяй во всем видит отношение, связь, или отсутствие таковой). Этой веревкой мы связали выше стоящих руководителей, ученый совет, ВАК и даже Президиум Верховного Совета СССР. Мы каждому из них подсунили по жирному куску.

Дружище. Как!? Разве вы дали взятку, разве такие высокопоставленные лица берут деньги или другие драгоценности?

Шеф. Я вижу — ты очень скромный. Нет. Взятки в виде непосредственных денег — это старый прием. Даже самая усовершенствованная форма взяток, как связующий элемент, устарела по сравнению с тем новым всеобщим методом связи, который возник "на собственной основе" нового строя. Я и мои братья чаще всего пользуемся этим новым методом (недаром наши братья относятся к интеллектуалам), ибо первый метод — взяточничество, весьма ненадежный: любой маленький промах — и ты на скамье подсудимых. А этот новый метод, созданный благодаря "собственной основе" развитого с точки зрения Ковалевых и Косичевых социализма, весьма устойчив по отношению к нашим промахам. Вот один, например, намекнул, что я плагиатор. Другой подхватил эту мысль и открыто заявил, что меня — плагиатора — награждают большой премией. И что же? Этому последнему заткнули рот, а меня вновь наградили за подобную деятельность. Новый метод очень надежен. Далее, этот новый метод не только надежно охраняет

нас, но он к тому же неотразим в том смысле, что ты можешь подсунуть "свинью" кому угодно.

Дружище. Дорогой Шеф, говорят, что люди того типа не поддаются обработке с помощью этого метода.

Шеф. Ты имеешь в виду тех людей, которые называют себя марксистами. Да, марксисты — крепкие орешки. Но ты сам убедился на примере Ковалева и Косичева, что и марксистам можно подсунуть "свинью". Удалось же подсунуть огромную "свинью" редколлегии такого журнала, как "Коммунист".

Дружище. Но редколлегия журнала "Коммунист" выплюнула статью Ковалева и Косичева, отнеслась к ней, как к инородному телу.

Шеф. Разве ты читал опровержение или критику?

Дружище. Нет. Но зато читал "Размышления" К. Маркса, который таких ученых, как Ковалев и Косичев, называет ослами.

Шеф. Это так. Но у нас есть свобода слова.

Дружище. Шеф, куда вы гнете? Будьте откровенны хоть со своим учеником. Рамки любого журнала ограничены. Следовательно, если публикуется теория Ковалевых-Косичевых: $2 \times 2 = 5$, то по двум причинам нельзя опубликовать работы вот тех типов: 1) ограниченность журнала, 2) необходимость признания, что $2 \times 2 = 5$. Моя свобода ограничена вашей, ваша — моей.

Шеф. Ты намекаешь на работы вот того типа, который не признал нашу теорию: $2 \times 2 = 5$, одобренную редколлегией журнала и ученым советом. И вместо его работ мы опубликовали твои, в которых ты хвалишь теорию $2 \times 2 = 5$ и сам развиваешь эту теорию.

Дружище. Так, мы с вами коммунисты.

Шеф. Что?! Ты совсем наивен, потому прощаю тебе нанесенное мне оскорбление. Запомни — коммунисты мы с тобой на словах, ибо "Париж стоит обедни". Теперь послушай, в чем суть метода "свиньи". Этот метод изобретен рабовладельческой, феодальной, капиталистической общественными формациями и усовершенствован тем строем, который развивается "на собственной основе", создает "принципиально новый тип общественных отношений". Сущность управления при этом строе, развивающемся "на собственной основе", гениально изложил профессор И. И. Сигов: управлять производством при социализме — "значит управлять людьми и их производственными отношениями" ([9], стр. 99). Тебя, Дружище, пусть не смущает тот факт, что Сигов чуть выше привел цитату из произведения К. Маркса, что содержание этой цитаты противоречит духу сиговых утверждений. Это обычный прием наших неутомимых борцов в стане врагов. Главное то, что Сигов посредством семи слов покончил с марксизмом по существу. Согласно марксизму:

- 1) Люди в процессе производства вступают в определенные, не зависящие от воли и сознания отношения, которые составляют общественный базис, обуславливающий надстройку: собственность (отношение к средствам производства), управление, сознание, способ мышления и так далее. То есть производственными отношениями управлять нельзя, напротив — они сами диктуют тот или иной способ управления.
- 2) Сущность управления производством при социализме и коммунизме прямо противоположна сущности управления при рабстве, феодализме, капитализме. При классовом обществе (рабстве, феодализме, капитализме) люди управляют людьми, что является необходимым и достаточным условием наличия господ и рабов, а при социализме этот принцип отмирает, люди управляют лишь вещами.

Первый вывод ложится в основу материалистического понимания истории, второй — в основу понимания социалистического и коммунистического общества. С обоими выводами Сигов покончил гениальным образом. Ты также должен помнить то, кому адресовал Сигов свое творенье. А вот недостаточная решительность Ковалева и Косичева мне не нравится. Ковалев и Косичев, с одной стороны, по вопросу о производительности поставили под удар Ленина, а с другой, — почему-то они не хотят называть этот строй, развивающийся "на собственной основе", частично коммунистическим. Наши братья покончили с марксистским пониманием государства, товарных отношений. Им, наконец, удалось нанести вновь ощутимый удар по научному коммунизму в вопросе о производительности. И этому мы обязаны во многом Ковалевым и Косичевым и тем нашим людям, которые недаром едят трудовой хлеб на высоких должностях, всячески поощряют душеспасительных теоретиков типа Ковалев-Косичев. Надо покончить в дальнейшем с самим понятием коммунизма. Мы уже подготовили социально-психологическую базу для такого мероприятия. Мало теперь осталось людей, которые верят в возможность построения такого коммунизма, который был преподнесен социалистами-утопистами и так называемыми основоположниками научного коммунизма. Но все же нужно развенчать теоретически само понятие коммунизма. Это можно сделать примерно следующим образом: заменить формулировку "от каждого — по его способностям, каждому — по его потребностям" другой формулировкой "от каждого — по желанию, некоторым — по потребностям". На первый взгляд, вторая формулировка мало чем отличается от первой. В действительности, вторая формулировка есть полное отрицание коммунизма. Слово "способность" в первой формулировке заменили словом "желание". Это укладывается в рамки теории гуманизма Ковалевых и Косичевых, ибо на первый план выдвигаем гуманизм. Куда более гуманно звучит выражение "работать по желанию", нежели "работать по способностям", "выкладывать все свои способности". Далее слово "каждому" в первой формулировке заменили словом "некоторым". Если все получают по потребностям, то, следовательно, и некоторые тоже получают по потребностям. Отсюда — вывод: слово "некоторым" допустимо. Ведь коммунизм сразу нельзя водворить: сначала нужно для некоторых построить, а потом для всех. Маркс и Энгельс вопрос о коммунизме конкретно не

исследовали. Этот прием был использован нашими братьями, которые воспользовались ошибкой нашего заклятого врага Сталина. Наши идеологи заявили, что между капитализмом и социализмом существует диктатура пролетариата. Этот вывод укладывается в рамки марксизма. Действительно, если согласно учению марксизма между капитализмом и коммунизмом господствует диктатура пролетариата, то, естественно, между капитализмом и низшей фазой коммунизма (социализма) тоже господствует диктатура пролетариата. Таким образом, марксистский вывод о наличии диктатуры пролетариата между капитализмом и коммунизмом был подменен выводом: "между капитализмом и социализмом господствует диктатура пролетариата". Но здесь есть одна тонкость, которую неотесанные рабочие не могут понять. Понять эту тонкость могут только наши братья. К сожалению, среди нас все больше и больше появляется открытых сторонников плеев, которые рвутся в среду рабочих, раскрывают им сущность учения их вождей. Но мы и здесь находим выход. Кто правит страной? Партия. Что говорят вот те типы, которые почему-то числятся среди нас? Они утверждают, что коммунистическая партия есть партия, прежде всего, самого передового класса. Отсюда, по их мнению, следует, что относительная партийность рабочих (число членов партии в рабочей среде к общему числу рабочих) должна быть не ниже, чем в других слоях населения. Данное требование направлено против нас, против нашей линии. Но ничего, мы и здесь найдем выход. Мы всячески препятствуем, и будем препятствовать вступлению в партию вот тем типам из интеллигенции. И тем самым, будем содействовать тому, чтобы обезглавить коммунистическую партию. Мы рано или поздно навяжем партии свою голову, а туловище пусть будет рабочим. В свое время наши братья, воспользовавшись ошибкой Сталина, вырезали многих марксистов, добились того, чтобы в партии рабочие вместе с крестьянами составляли абсолютное меньшинство. Результатом этой деятельности был теоретический вывод (практический фундамент был подведен задолго до этого времени) об отмирании диктатуры пролетариата, перерастании диктатуры пролетариата в общенародное государство. Этот безобидный, на первый взгляд, вывод наводит такой туман, что разобраться тут не каждому под силу. Тебя, Дружище, пусть не смущает тот факт, что данный вывод считается дальнейшим развитием марксизма-ленинизма. Приходится считаться с грубой силой — рабочим классом, с его идеологией. Но в действительности данный вывод есть отрицание марксизма. Поэтому у наших братьев есть основание не принимать этих типов в партию коммунистов, в ту партию, которая провозгласила марксизм-ленинизм своей идеологией. Коммунистическая партия без марксистов-ленинцев. Вот как! Тебя, Дружище, пусть не смущает и тот факт, что наши люди иногда называют рабочих гуманными людьми. Без такого гуманизма было бы трудно объяснить, почему рабочие отказываются добровольно от своей диктатуры в пользу нас. Без этого было бы весьма трудно Ковалеву и Косичеву разработать теорию о гуманизме и потенциях, которую можно сравнить по значимости с великой теорией дефицита, разработанной нашим академиком. Жаль, что вот таких академиков в Академии маловато. Нашим товарищам в Академии наук покоя не дают академики типа Колмогорова и Капицы. Сын этого

последнего, для которого все очевидно и невероятно, тоже хороший гусь, никогда не пригласит нашего брата на телевидение. А если пригласит — что хорошего? Уходишь из телевидения "раздетым" догола. От него как от этого Ильича, предлагающего примерять не семь, а восемь или даже десять раз, прежде чем отрезать, ничего не утаишь.

Однако в чем сущность теории гуманизма? Лишь после того, как поймешь сущность этой теории, ты осознаешь суть современного строя, развивающегося "на собственной основе". В работах наших братьев по убеждению убедительно показано, что при главенствующем влиянии экономических критериев сущность "строя, развивающегося "на собственной основе", "невозможно определить, исходя только из них". Действительно, разве можно объяснить мое и моих товарищей отношение к тебе, исходя из роста производительности труда? Конечно, нет. Ты защитил диссертацию по теме: $2 \times 2 = 5$. Что здесь нового в научном плане? Ничего. Твои конкретные результаты, которые ты позаимствовал у того типа, тоже не новы. Следовательно, все, что ты прибавил к общественному продукту, равно нулю, производительность труда не изменилась. Однако твоя заработная плата изменилась. Благодаря моим стараниям тебе сначала в связи с присвоением ученой степени удвоили заработную плату, затем в связи с назначением тебя на должность начальника увеличили твой оклад на солидную сумму. Как видишь, производительность труда тут ни при чем. Конечно, производительность в общем-то играет огромную роль, что не отрицают Ковалевы и Косичевы, Если бы не было производительности труда (равнялась бы нулю), то неизвестно, у кого бы мы взяли конкретные результаты, как бы мы с тобой заработали на пропитание. Поэтому производительность труда играет большую роль. Однако, согласно учению Ковалевых и Косичевых, сущность строя, развивающегося "на собственной основе", определить исходя только из уровня производительности и характера ее изменения (рост эффективности труда), как это вульгарно, грубо, материалистически излагается в отчетных докладах ЦК, нельзя. Вот бы нам Генсека заменить Ковалевым или Косичевым, а Суслова — Сиговым, на место Косыгина подошла бы моя кандидатура, что касается тебя, голубчик, твоя скромность прямо указывает на место Подгорного. О! Мы бы тогда натворили дел.

Друзище. Дорогой Шеф, а не вспомнят ли рабочие слова из «Интернационала» или стихи Рылеева? Не направят ли тогда рабочие, руководимые коммунистами, первый нож на дюринговцев, второй против их покровителей, а третий нож, молитву сотворя, — на нас?

Шеф. Над этим я тоже думал. К этому времени мы создадим надежную опору для нашей демократической державы. Для начала мы позволим ученым типа Афанасьева и Федосеева поиграть в марксизм.

Пусть они пишут, что каждый, кто хочет проникнуть в тайны мироздания и человеческого бытия, должен овладеть марксизмом-ленинизмом. Пусть Федосеев уверяет, что философия, если она не отражает реальность, есть пустое измышление. Из учения Ковалевых и Косичевых следует обратное.

Мы спровоцируем забастовку рабочих. Это послужит сигналом к действию. Дотла вырежем марксистов-ленинцев. Что не успели сделать Ежов и Берия, сделаем мы. Диктатура может быть нашей или против нас. Только либералы думают, что возможна середина. Либерализм мы терпим до тех пор, пока рабочий класс достаточно гуманен, высокосознателен, пока он добровольно позволяет нам эксплуатировать его. Как только рабочий класс начинает возмущаться, поднимать свой голос, требовать свои естественные права — выступает наружу обостренная классовая борьба. И тут возникает одна из двух диктатур. Первая — это наша, вторая — это диктатура пролетариата. Первая с точки зрения политической экономии ничем не отличается от государства вообще, вторая — прямо противоположная организация. И пока рабочий класс во главе с коммунистическими партиями, запутавшимися в детских пеленках "левизны", барахтается на месте, пока коммунистические партии критикуют друг друга, называют друг друга предателями (здесь мы оказываем им особую услугу), надо действовать в двух направлениях:

1. Существующий строй в так называемом социалистическом лагере следует называть социалистическим, в котором гуманизм и потенции, измеряемые в единицах ковалев-косичев, растут прямо пропорционально уменьшению эффективности общественного труда. Время работает на нас. Чем чаще партийные и государственные руководители будут заявлять о гуманизме этого строя, перерастающего непосредственно в коммунизм, тем лучше, тем больше руководители партии будут связывать себе руки своими высказываниями. Они в дальнейшем от поколения к поколению будут защищать честь своего мундира и тем самым, как учит вождь рабочих тот Ильич, будут способствовать политической опасности, копать себе могилу. Ибо при современных экономических условиях верна формула французского разбойника: "коммунист на должности министра — не коммунист". Тогда как при диктатуре пролетариата наш человек не только в министры, но даже на должность директора маленького предприятия не проникнет. А если кому-нибудь из нас по своим чисто деловым качествам удастся занять должность министра, то он обязательно переродится, станет коммунистом. Государство (диктатура меньшинства) бьет по коммунистической партии, диктатура пролетариата — по нам. Коммунистическая партия, которая руководит всей общественной и хозяйственной жизнью страны, выдвигает своих лучших представителей на должности министров, директоров предприятий и так далее. Партия может руководить только посредством кадров. Но государство обладает таким свойством, что оно переделывает представителей компартии на должностях министров. Таким образом, при наличии государства партия руководит хозяйственной жизнью сначала посредством начальников-коммунистов, затем, спустя некоторое время, с помощью начальников-коммунистов на 99%, далее — посредством начальников-полукоммунистов, и, наконец, партия опирается на начальников-антикоммунистов. Такова диалектика общественного развития. Как же при этих условиях может расти эффективность общественного труда?

Напротив, диктатура пролетариата обладает прямо противоположным свойством. Эту

тонкость, к счастью, многие сторонники коммунизма не понимают. Диктатура пролетариата, как говорят вот эти типы, которые учатся не только у того Ильича, но и у этого, и которые вооружены опаснейшим идеологическим ножом, ежедневно, ежечасно порождает коммунистов, уничтожает такое замечательное качество, как бесчувствие. Их поэт это качество называет болезнью. Мы все очень надеялись, что этот талантливый поэт окончательно будет полонен его собственным невежеством в области политики, раздуванию которого мы немало способствовали. Однако вот эти типы в борьбе за этого поэта взяли верх. Мы надеялись заполучить поэта вновь в связи с его телеграммой, но эти типы учатся у своего Ильича примерять десять раз, после чего отрезают. Посмотри, что пишет этот отступник: "Я выше поэзии ставлю сражение зла и добра". При чем тут зло, когда мы полны добротой. Все это никак не укладывается в рамки теории Ковалевых и Косичевых. Разве я не добр, когда подкидываю тебе лишнюю сотню в месяц, а тому — две? А рабочий, на которого моя доброта не распространяется, но который, зная, что даже Солнце не может нагревать землю равномерно, ведет себя как высокосознательный, не добр? Конечно, такой рабочий очень добр, сознателен, обладает большими потенциальными возможностями. Правда, бывает исключение. Например, когда наш брат бьет рабочего, то последний, забывая о гуманности, пытается любой ценой отомстить. Если рабочий молод — он берет кирпич в руки, бьет по голове нашего брата и душа его (рабочего) успокаивается. Правда, после такой процедуры и у нашего брата успокаивается душа. Когда же рабочий достаточно образованный (окончил ВУЗ), тогда наш брат вступает в переговоры с ним, предлагает ему подписать мир с его начальником, который изуродовал ему лицо. Образованный рабочий, не выдержавший в одиночку коллективный натиск, дает слово нашему брату-администратору и подкупленной верхушке общественности, что он не будет больше называть начальника плагиатором, а последний уверяет, что он не будет больше бить своего подчиненного по лицу. В целом в нашей действительности нет места для зла. Естественное и самое опасное зло — это наличие **марксистов**. Но их, к счастью, не так много: они — не в счет. Мы большие надежды возлагали в области литературы на таких, как Евтушенко, в области науки — на таких, как Глушков. Мы надеялись воспользоваться их бесстрашием (непокорным характером) и некоторой их непоследовательностью для того, чтобы столкнуть их с руководителями партии и правительства. Эта мера нам нужна для того, чтобы руководители партии и правительства применили определенные санкции против Глушковых и Евтушенко, и, тем самым, подорвать доверие всех мыслящих к руководству партии и правительства. Мы надеялись, что люди типа Евтушенко и Глушкова, весьма почитаемые среди простых людей, запутавшись в детских пеленках, будут приписывать все недостатки руководителям партии. И эту мысль мы бы всячески поддерживали. Почему? Потому, что руководство партии считает себя сторонником учения марксизма-ленинизма, следовательно, все недостатки в жизни можно объяснить неразвитостью этого учения. Главное — подорвать доверие к марксизму-ленинизму. Все остальное пойдет как по маслу. Поэтому, пока эти типы не догадались, что Евтушенко и Глушков в последнее время стремительно (правда, стихийно)

приближаются к марксизму, пока тот тип открыто не заявил, что люди типа Евтушенко и Глушкова — гордость советской поэзии и науки, надо намекнуть, что Евтушенко — антисоветчик. Глушковы — весьма аморальные люди. До чего договорился этот Глушков: машины должны управлять нами, нашим производством. Это еще более грубо, чем то, что говорят марксисты — рабочие сами должны управлять своим производством. А кто же, интересно, производить будет, если рабочие начнут управлять? Мы говорим, что человек — особое создание (без слова "бог" обожествляем понятие человека), а эти марксисты и глушковы говорят: «Человек и как биологическое, и как социальное существо есть определенный способ существования материи. Если мы, — говорят они, — разгадаем тайну этого способа движения, то удастся построить при необходимости соответствующую (аналогичную) искусственную машину. Эти типы (к счастью, не все) взяли на вооружение "Диалектику"... Энгельса. К чему ведут суждения этих кибернетиков, которые столь же грубы, как Дарвин и Маркс? Они хотят доказать, что между человеком и другими видами материи нет непроходимой границы. К чему это, в конце концов, ведет? К весьма опасным и вредным мыслям. К тому, что если устранить "непроходимость", созданную нашими человеколюбивыми предками, то рабочие начнут сравнивать свою деятельность с вами и повторять вместе со своим вождем, что нужно устранить разницу в оплате между различными профессиями. Рабочие начнут уверять нас, что уборщица, выметающая грязь из наших кабинетов, ничуть не меньше заслуживает поощрения, чем мы с тобой, переливающие буквы из одного журнала в другой. Разве не эти мысли привели к тому, что при этом Ильиче начали присуждать Государственные премии рабочим? Нас ставят в один ряд с рабочими. Это — конец света!

Наши братья всячески стремятся ввести как можно больше разграничений между нами, занимающимися высшим видом деятельности, и рабочими вместе с простыми инженерами, не заслуживающими нашего внимания. Мы построили одну столовую для рабочих и инженеров, не заслуживающих нашего внимания, другую для ученых и высших представителей администрации. В дальнейшем построили третью столовую для особой элиты, чтобы представители этой элиты наилучшим образом переваривали пищу, не стояли в очередях, как рабочие, чтобы сразу было видно, кто есть кто, кто относится к высшему уважаемому сословию, кто низшему презируемому классу. Мы для оправдания таких социальных преобразований пользуемся словами Ленина. Правда, тот Ильич говорил, что особые привилегии касаются буржуазных спецов, чьи знания невозможно конфисковать, и что в дальнейшем, когда советский рабочий класс создаст свою рабочую интеллигенцию, эту разницу следует устранить, иначе авторитет партии как коммунистической будет сведен на нет.

А что сделали сторонники того и этого Ильичей? Навязали всей партии мысль, что для того, чтобы поднять эффективность общественного производства, ускорить темпы развития, необходимо разработать такие экономические меры, которые бы интересы различных людей соединяли воедино. Соединять интересы всех людей предприятия, государства — это значит

устранять особые столовые. Разве это в наших интересах? А потом, как же мы будем управлять людьми, как я буду травить их друг на друга, если их интересы будут соединены? Ведь эти люди, если я не успею превратиться в настоящего коммуниста, в свою противоположность, выкинут меня за борт. Этот Ильич (надо выяснить, не родственник ли он тому Ильичу, почему он так настойчив в избранном направлении) от имени ЦК и всей партии требует укрепить оба начала демократического централизма. Ну, почему оба начала, разве недостаточно одного? Ведь требование этого Ильича равнозначно: укрепить диктатуру пролетариата. Но разве наши Ковалевы и Косичевы не доказали, что рабочие в виду их высокого гуманизма и потенции добровольно отказываются от диктатуры в пользу нас?

Не меньше нас беспокоит и этот поэт, который так равнодушно взирает на наше отношение к нему:

Какая забота мне, право,
Что чей-нибудь слух услажден.
Добро победит — я оправдан,
А зло победит — осужден.

Тоже мне — сверхчеловек. Хочет показать, что он абсолютно не дорожит чьим-либо отношением. Но чуть ниже выясняется, чей он поэт:

Я, наверно, на свете зажился,
Слишком часто в пустое вступал,
Слишком часто я сытым ложился,
Слишком редко голодным вставал.

Стыдится, что с нами знакомство заводил, что под нашим влиянием бросал камешки в марксизм, что интересы свои не связывал с интересами рабочих. И спешит заверить:

Но за всю мою лишнюю славу,
Но за всю мою лишнюю жизнь
Послужу еще русскому слову,
Чтобы слово и дело сошлись.

И за что только этих поэтов ценят? Подумаешь, они лирой добрые чувства пробуждают. А мы с помощью прямых и косвенных угроз, научных статей Ковалевых и Косичевых усыпляем эти чувства. Так что лучше? Успокоить человека, как это делаем мы, или растревожить его, как это делают последователи Пушкина и Лермонтова?

Люди, встревоженные стихами о свободе, равенстве, народном государстве, речами вот этих типов (как я ненавижу их!) бегут к нам на прием по жилищным вопросам. Прихожий скромно говорит: "Уважаемый начальник, жить негде". «Как негде? — спрашиваю я, — а где же вы живете?» "Тесновато", — молвит прихожий.

Я. Сколько метров имеете на одного члена семьи?

Прихожий. Три.

Я. А говорите, что жить негде. Вот посмотрите, сколько людей проживает в таких условиях.

Прихожий. Как? А где же остальное жилье? Что, — ЦК врет?

Я. Нет. ЦК не врет. ЦК говорит всегда правду, но на эту правду следует смотреть правильными глазами, а не так, как вы. Надо смотреть глазами Ковалевых и Косичевых. Ты думаешь, я не нуждаюсь в улучшении своего жилья? Очень даже нуждаюсь. Я имею трехкомнатную квартиру, что совершенно недостаточно. Почему? Одному ребенку надо комнату? Надо. Другому — надо? Безусловно. Жене — надо? Конечно. Мне нужен отдельный кабинет? Вот мой брат имеет четыре комнаты на двоих, а я три на четверых. Разве это справедливо? Конечно, нет. Но ведь я не кричу, что жить негде. А у меня есть собака. Ведь и для нее надо выделить отдельную комнату. Почему? Да, потому, что при хорошем отношении к собакам и другим животным люди, включая меня, становятся более гуманными. Ну, а если у собаки не будет отдельной комнаты, она будет мешать мне, а я в свою очередь — злиться, и мое поведение никак не будет соответствовать теории Ковалевых и Косичевых. Я начну кричать на своих подчиненных, как это делают бригадиры и мастера, наиболее близкие по своему положению к рабочему классу, издавать антигуманные приказы, перестану принимать посетителей по личным вопросам, рассматривать их жалобы и так далее. А если кто при этом напишет на меня жалобу в высшие инстанции, то я создам ему такие условия, что под ним земля будет гореть. То же самое можно сказать относительно моих детей, которые не менее сообразительны, чем моя собака. Попробуй не предоставь каждому из них просторную комнату. Дети сразу же набросятся на своего милого папу: "Почему ты, папа, не увеличиваешь нашу жилую площадь?" Я объясняю: "Нельзя, другие живут в несколько раз худших условиях". А они мне в ответ: "Другие сидят на работе в тесноте, а ты свой рабочий кабинет увеличил вдвое. Почему тебе можно, а нам нельзя, — где равноправие?"

Прихожий. Так вы ради таких, как я, заботитесь о себе? Я-то глупый сразу не понял. Простите, распределяйте жилье на свое усмотрение. Так как вы исходите из гуманных целей, согласно теории Ковалевых и Косичевых, то предоставьте отдельную квартиру вашему товарищу, который бросил семью. Надо же его как-то успокоить: потерять семью в мирное время — это не котенка потерять. Товарищ начальник, если не можете улучшить мои жилищные условия, то подбросьте мне десятку в месяц.

Я. Это можно, но лимит израсходован.

Прихожий. На кого израсходован?

Я. Как на кого? Вот этому подбросили сотню за то, что он удостоен звания ученого за открытие $2 \times 2 = 5$. Далее, выдвинув этого ученого в начальники для руководства такими, как ты,

подбросили ему еще полсотни.

Прихожий. Ну, а где же остальные?

Я. Остальные израсходованы вот на того, который доказал, что $2 \times 2 = 4$.

Прихожий. Как!?

Я. А вот так! Платим мы Аркадию Райкину народные деньги за то, что он высмеивает дефицит? Платим. Но ведь одновременно платим народные деньги вот тому академику, который взял дефицит на вооружение, уверяет, что без дефицита невозможно понять принцип оптимального функционирования общества. Почему же мы не должны платить дополнительные прибавки ученым различного типа:

1) $2 \times 2 = 5$,

2) $2 \times 2 = 4$?

Прихожий. Я не знаю, про какого академика вы говорите, но что касается Райкина, он великий артист, он — гений.

Я. Ах так! Вы не возмущайтесь против заработной платы Райкина? Разве Райкину недостаточно его гениальности, — зачем ему еще деньги? А вот этому надо платить большие деньги, поскольку он в процессе обучения лишился всякого таланта. Наш строй — гуманный строй, не все следует объяснять производительностью, экономическими законами.

Прихожий. Выходит, я тоже талантливый. Например, я, обнаружив, что теорема вашего товарища $2 \times 2 = 5$ неверна, сказал об этом вам, за что вы лишили меня премии, мою работу не выпустили в свет, фактически закрыли то, чем я занимался. А вот другому, заявившему, что $2 \times 2 = 5$ — замечательное достижение, вы позволили переписать мои результаты, дополнить их утверждениями типа $2 \times 2 = 5$, опубликовать. Или я, обнаружив, что мой начальник почему-то позабыл сослаться на работу известного ученого и таким образом получил именную премию, попытался восстановить историческую справедливость с опозданием, за что был награжден выговором. А тому начальнику вместе с его теоретиками типа $2 \times 2 = 5$, повторившими мои результаты, вы вновь выделили именную премию. Поистине не все можно объяснить производительностью. Я все понял. Понял, как надо себя вести.

Я. Вот и молодец! Мы подкинем тебе сотню.

Посетитель уходит совершенно успокоенным. Однако не все посетители успокаиваются так, как мы того хотели бы. Ряд посетителей впадают в крайность. Некоторые, после того, как побывали несколько раз в кабинете нашего брата, попадают в психбольницу. Оттуда чаще всего возвращаются здоровыми. Но, вспомнив былое, они впадают в непонятное состояние. Идут в лес, петлю на шею — и вечный покой. Другие, покинув наши кабинеты, уходят с головой в какие-то

книги. Все чаще читают работы вот этих. Хорошо, что в последнее время книги оседают, главным образом, в личных библиотеках. Хотя я терпеть не могу Евтушенко, но его книги скупаю, чтобы они не достались тем, кому в действительности они нужны. Но вот беда: не знаем, что делать с книгами Маркса, Энгельса, Ленина. Произведения этих возмутителей духа выпускаются таким большим тиражом, что каждый желающий может приобрести их. И все же огромный тираж произведений этой тройки не пугал нас до сих пор. Наши люди в стенах ВУЗа делали свое дело, они вовремя напоминали студентам, которым надоедало толкование марксизма-ленинизма в духе Ковалевых и Косичевых, о том, что если они не будут регулярно посещать лекции, не поймут смысл творений великой тройки, попадут, если не в ад, то, по крайней мере, в черный список. Однако, если и были люди, изучающие самостоятельно произведения Маркса, Энгельса, Ленина, это было не так опасно. Люди, покинувшие университетские залы, забывали многое, и для того, чтобы восстановить в памяти нужное, отстоять чистоту марксизма-ленинизма на практике, им приходилось перечитывать чуть ли не все произведения заново. На это не каждый решался. И вот появилось произведение, которое не менее опасно для нашего дела, чем "Анти-Дюринг". Я имею в виду, так называемый, "Предметный указатель к работам В. И. Ленина". Эта безобидная, на первый взгляд, книга удивительным образом объединяет произведения Ленина, которые разрознены в силу исторических обстоятельств, в единый огромный учебник по научному коммунизму, превращается в руках этих типов в весьма опасное оружие. Не дай бог, если эти типы догадаются выпустить такую же книгу по произведениям Маркса и Энгельса.

Дорогой Дружище, я учил тебя до сих пор тому, как надо и не надо поступать, у кого нужно учиться, а у кого — не нужно. А теперь я хочу раскрыть тебе тайну народного государства. Однако, для этого необходимо понять предварительно другую тайну — тайну теории гуманизма. Но ты, дорогой, не обижайся: я не могу раскрыть тебе эту тайну, которая священна.

Дружище. Вы не доверяете мне?

Шеф. Знание обладает опасным, относительно самостоятельным свойством. Ты наш человек. Но, кто знает, кем станешь, когда поймешь тайну народного государства. Ты еще молод, у тебя душа еще для чести жива. Даже вот я — закоренелый противник коммунизма — иногда думаю: не тряхнуть ли молодостью, не порвать ли с этой угнетающей человеческое достоинство грязью, называемой марксистами рабством. Но со временем холодный рассудок под влиянием вопроса: «Что будет со мной?», берет верх, убивает все остальные ростки разума и чувств. Я в такие минуты начинаю понимать смысл слов: "Не вырастет гений из хлюста".

Дружище. Вы пали духом.

Шеф. Нет. Это временная слабость. Мы еще повоюем. Мы сохраним тайну народного государства на веки веков. Наши братья охраняют эту тайну всеми видами оружия. Мы чуть не заполнили штаны, когда читали статью Шехета против нашего брата. Нам, собственно, жалко не

этого академика, который неизвестно, чей человек. Этот академик — наш в том и только в том смысле, что способствует сохранению нашей тайны. Однако мы, увидев, что Шехет, критикуя "левизну" академика, сам впал в правый уклон, поняли, что он нам не страшен.

Наши братья здорово обработали Канторовича. Сначала мы, напугавшись, что он нашел ключ к тайнику, обходили его молчанием, а затем, узнав, что на западе пользуются таким ключом, поняли, что его ключ нам не страшен. Более того, мы поняли, что ключ Канторовича есть не что иное, как модель государства. Наши братья, воспользовавшись огромной разницей в образовании Канторовича в области математики и политической экономии, философии, начали нашептывать ему, что он основоположник новой экономической мысли, что традиционные положения марксизма устарели. Канторович выкручивался (и до сих пор выкручивается), пытался стоять на позициях реализма, напоминал, что здесь что-то не то, а мы в ответ говорили, что все то, что надо, и для того, чтобы он в будущем избежал опасного сократовского способа мышления, "сомневаться во всем" наградили его Нобелевской премией: сомневаться надо только в том, на что мы укажем. Когда кто-то сомневается в наших мыслях, доводах, мы говорим, что он ревизионист. Когда же кто-то упрекает нас в отходе от научных положений, мы обвиняем его в догматизме, начетничестве.

Итак, что такое народное государство в отношении способа познания, что есть государственный способ познания? Государственный способ познания сводится к следующему: я, твой начальник, сомневаюсь в твоих мыслях, ты, мой подчиненный не сомневаешься в моих мыслях. Я по отношению к тебе — ревизионист, ты по отношению ко мне — догматик. Но я по отношению к своему начальнику тоже догматик. Таким образом, я одновременно являюсь и ревизионистом, и догматиком. Я подвергаю сомнению все: и чужие, и свои мысли. Поэтому я при надобности могу сойти за марксиста, последователя сократовского способа познания. Но здесь есть одна тонкость, о которой нам никогда не следует забывать, но о которой также не следует говорить. Эта тонкость связана с классовообразующим общественным отношением, с устранением которого исчезает данный способ мышления сам по себе. Я подвергаю сомнению свои мысли только по отношению к начальнику и никогда — по отношению к подчиненному. Вот Толстых приводит слова Платона: "Мне кажется, всякий, кто в здравом уме, всегда стремится быть подле того, кто лучше его самого" [10]. Толстых неправильно понимает и цитирует Платона точно также, как неправильно понимают руководители партии ленинское положение о производительности труда. Хорошо, что благодаря Ковалеву и Косичеву удалось отстоять ленинский принцип о производительности труда. Платона следует понимать так: "каждый здравомыслящий всегда стремится быть возле своего начальника, считает, что начальник лучше и умнее его, никогда не подвергает сомнению его мысли". Вот как надо понимать Платона. Я похож на марксиста тем, что сомневаюсь как в чужих мыслях, так и в своих. Я похож на диалектика тем, что в моих взглядах участвуют одновременно и покой, и движение. Разница между нами и

марксистами в том, что мы не сомневаемся в своих мыслях по отношению к тем, чьи подвергаем сомнению, тогда как марксисты сомневаются одинаково как в мыслях начальника, так и в мыслях подчиненного, не забывают при этом подвергнуть сомнению свои мысли по отношению к обоим началам. Два момента нашего способа познания разорваны в пространстве. Но так как пространство и время связаны, то — и во времени тоже. У марксистов же эти два способа мышления соединены и в пространстве и во времени. Наш способ мышления — метафизика, их — диалектика. Вот почему опасен этот Кедров, который наводит порядок в вопросах диалектики. Он не понимает, что делает подкоп под собственный способ существования, Удивительно, как это некоторым академикам удастся сохранить марксистский способ мышления? Ведь они находятся в наиболее реакционных условиях существования.

По государственной лестнице люди расположены так, что ко всем, кто находится посередине этой лестницы, государство предъявляет требование: быть одновременно догматиком и ревизионистом, одним словом, бюрократом, к тем, кто на верхушке — требование: быть всегда ревизионистом, к тем, кто внизу — требование: быть всегда догматиком. Поэтому (кое-кто),

Меж собой и желаньем не выдержав розни,
Начинает он строить коварные козни.

Низами

Вспомни, Дружище, кто первым стал на путь ревизионизма. Это был Сталин. Эту роль хотел сыграть Троцкий, но Сталин отстранил его от руля общественных процессов, доказав этим, что он величайший прокурор. Сколько страху мы натерпелись, когда Сталин бомбил Троцкого. Троцкий, ссылаясь на Маркса, призывал: "Товарищи, не начинайте строить социализм, пока рабочие других (западных) стран не придут к власти". Троцкий был величайшим жонглером. Посмотри, как Троцкий использует Маркса против Маркса. Маркс и Энгельс сделали вывод, что социализм победит одновременно в нескольких наиболее развитых странах. Этим Маркс и Энгельс подчеркивали, что революционный момент созреет почти одновременно во всех или нескольких передовых капиталистических странах. Ленин, анализируя эпоху империализма — эпоху распространения неравномерного развития капитализма внутри отдельных капиталистических стран на систему всего капитализма, сделал иной вывод: одновременная победа социализма в нескольких странах маловероятна. Речь идет опять о созревании революционного момента во времени и в пространстве. Ни Маркс, ни Энгельс нисколько не колебались в вопросе о том, что делать, если рабочие отдельной страны возьмут политическую власть в свои руки. Маркс и Энгельс, хотя предостерегали рабочих Парижа от всяких провокаций, не упрекали Коммунаров за то, что они начали революцию, не подождя, когда рабочие других стран восстанут и захватят политическую власть. Одним словом, Маркс и Энгельс считали, что существо дела обусловлено внутренними отношениями, что изменение последних, хотя связано с внешними условиями, но ими не предопределяется. Изменение внутренних связей связано с соотношением внутренних

противоборствующих сил (реакции и прогресса). Конечно, реакционные правительства для подавления революции могут направить определенные силы, как, например, это было сделано после Октября. Но правительства этих стран не могут направлять войска для подавления революции, не возбуждая против себя гнев своих рабочих, не способствуя созреванию революционной ситуации у себя. Ленин учитывал эту сторону помощи со стороны рабочих тех стран, в которых еще не созрел революционный момент.

Судьба политической власти в отдельно взятой стране, безусловно, зависит не только от соотношения сил реакции и прогресса внутри страны, но и от соотношения сил реакции и прогресса во всем мире. Но судьбу преобразования общественного уклада жизни в отдельно взятой стране целиком и полностью определяет соотношение внутренних сил (реакции и прогресса) и только внутренних. Чем больше берут верх прогрессивные силы, тем быстрее происходит преобразование общественного уклада жизни, что, в свою очередь, решительно ускоряет процесс общественного производства, выбивает социальную почву из-под ног реакционных элементов. Социалистическая страна, независимо от исходного экономического положения в момент совершения революции, за короткий период времени достигает невозможных для капитализма темпов роста производительности труда. И эти темпы все более нарастают. Быстрое изменение экономической мощи социалистической страны резко меняет соотношение сил реакции и прогресса в пользу прогресса. Социалистическая страна, которая быстрыми темпами догоняет, а затем обходит по уровню производительности **общественного** труда в два, три, четыре, пять и т.д. раз наиболее развитые капиталистические страны, забрасывает капиталистический рынок качественными и в то же время дешевыми товарами. Все представители капиталистического мира объективно будут заинтересованы в покупке наших товаров, ибо тот, кто отстанет в этом деле, проиграет по отношению к тому, кто купит. Капиталистические страны, которые будут торговать с нами, будут проигрывать в два, три, четыре и т.д. раза по отношению к нам, а те страны, которые откажутся от торговли с нами, проиграют еще больше. Поэтому капиталисты против воли и сознания будут скупать наши товары, следовательно, они будут поставлены на колени. Рабочим капиталистических стран останется лишь выкинуть вон своих бывших хозяев из их роскошных кабинетов. Троцкий выдает независимость преобразования внутренних экономических отношений от внешних сил, как зависимость. От внешней реакции зависит лишь судьба политической власти рабочих данной страны, но не факт преобразования экономических отношений. Это — важнейшее положение марксизма-ленинизма.

Сталину, несмотря на недопонимание данного положения, удалось отстоять его от нападок Троцкого. Мы, увидев крах Троцкого, потеряли всякую надежду на успех. Но вдруг на небосклоне появилась фигура Бухарина. Мы вновь ободрились. Мы, пользуясь непоследовательностью Бухарина, его неумением дифференцировать функцию социального развития, начали нашептывать ему, что он молодой гений, что сам Ленин был, в лучшем случае, его хорошим учеником. Наши

братья кричали, что они за социализм, следовательно, долой всякое государство, доверие к государству. К чему сводился этот тезис Бухарина? К тому же, к чему тезис Троцкого. Бухарин выступал, по существу, против насилия, устраняющего всякое насилие, следовательно, отстаивал насилие, сохранение классов. На практике это проявилось в поддержке кулачества. Сталин разбил Бухарина наголову. Сталин вновь доказал, что он великий прокурор. Ничто не могло спасти Бухарина от смертоносного меча Сталина. Наши братья совсем приуныли. Но недаром со времени распада первобытнообщинного строя наши ученые учили нас способу приспособления. Мы, которые еще вчера хотели устранить Сталина и посадить на его место Троцкого, мы, которые еще вчера хотели устранить Сталина и посадить на его место Бухарина, мы вдруг запели хором: "Дорогой товарищ Сталин, ты самый великий вождь. Ура Сталину! Да здравствует великий вождь — товарищ Сталин!" Мы прерывали каждое слово Сталина громом аплодисментов. Мы поняли, что Сталин великий прокурор, что нападать на Сталина или на положения марксизма-ленинизма при Сталине — это вернейшая гибель. Поэтому мы избрали иной путь.

Идея заключалась в том, чтобы напасть на положения марксизма-ленинизма с помощью Сталина. Именно Сталин должен был отвергнуть центральное положение марксизма-ленинизма. Остальным, как показала практика борьбы, это было не под силу. На что мы рассчитывали? Естественно, на те слабые места Сталина, на которые указывал еще Ленин. Спасибо этому разбойнику. Сталин, как теоретик, был плохим адвокатом, точнее, он им не был, что особенно проявилось в борьбе против Бухарина. Мы использовали непримиримую борьбу между Бухариным и Сталиным для подготовки социально-психологического климата, в котором можно было бы "развить" марксистско-ленинскую теорию о государстве в диаметрально противоположном направлении. Но такую теорию следовало подкрепить соответствующими экономическими условиями. Здесь мы воспользовались тем фактом, что Сталин сильно критиковал всеобщую уравниловку в распределении материальных благ? Мы, используя борьбу Сталина против всеобщей уравниловки, подготовили соответствующий морально-политический климат для безболезненного игнорирования марксистско-ленинского анализа опыта Парижской Коммуны, положения Ленина о выравнивании заработной платы по всем профессиям, энгельсовской критики дюринговской прибавки. Сталин боролся против всеобщей уравниловки, против такого положения, которое не порождает классы, но плохо стимулирует развитие частной инициативы. Мы в практику внедрили уравниловку по разным уровням, — это такая мера, которая плохо стимулирует общественную инициативу, но зато хорошо способствует возникновению социальных слоев, а вслед за ними — классов. Этот метод распределения мы назвали методом реализации социалистического принципа распределения, методом реализации политики КПСС. Этот способ распределения есть та "собственная основа", которая не ведет к коммунизму, то есть не порождает коммунистические отношения, но совершенно не препятствует открытому возрождению нашего строя. Однако, строй, развивающийся на такой "собственной основе", назван социализмом. Кто осмелится выступить против политики КПСС? Кто осмелится заявить, что

положения Конституции СССР не соответствуют действительности? Это была самая крупная "свинья", которую мы подкинули КПСС. Мы с помощью этой "свиньи" надеемся покончить раз и навсегда с идеями коммунизма. Помнишь, Дружище, мы как-то спросили попа, верит ли он в бога. А он нам в ответ: "А вы, члены КПСС, верите в коммунизм?" Вот так-то, Дружище. Мы с тобой веруем в коммунизм точно так же, как тот поп — в бога. Однако, как тому попу, так и нам с тобой платят дюринговские прибавки за труд в области социального лицемерия.

Следует признаться, что в те тяжелые для коммунистов времена находились смельчаки. И тогда пришлось воспользоваться ежовскими рукавицами. Предварительно было заявлено, что классовая борьба в дальнейшем по мере продвижения по пути к коммунизму будет обостряться. В этой фразе содержится, как в зародыше, вся теория Ковалевых и Косичевых, с той разницей, что на словах Ковалевы и Косичевы переворачивают эту фразу.

Что сказал Сталин? Сталин сказал, что не следует разрушать государство до тех пор, пока мы окружены капиталистическими странами. А ведь это заявление абсолютно равнозначно заявлению Троцкого "не начинайте строить социализм до тех пор, пока рабочие передовых капиталистических стран не захватят политическую власть". Это заявление Сталина равнозначно заявлению Бухарина "проявлять недоверие ко всякому государству". Троцкий за сохранение насилия (эксплуатации) в данной стране до тех пор, пока рабочие других стран не свергнут своих капиталистов. Бухарин против насилия, устраняющего всякое насилие (эксплуатацию). Сталин за сохранение насилия (эксплуатации = государства) до тех пор, пока наша страна будет находиться в окружении капиталистического мира, то есть пока рабочие других стран не свергнут капиталистов. Сталин, боровшийся против троцкизма, стал на путь Троцкого, Сталин, боровшийся против Бухарина, оказал великую услугу Бухарину, Сталин "не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку поднимал!"

Тех смельчаков, которые чрезмерно упорствовали, мы отправили по пути Кирова, Другие бесстрашные рыцари Октября, которые теоретически не могли осознать постигшую их беду, но видели, что творится что-то неладное, и не желали быть ответственными за это, избирали путь Орджоникидзе. Лишь немногие из этих храбрецов вернулись с поля боя.

"Плохая им досталась доля:

Не будь на то господня воля...

Не отдали б ..." Диктатуру Пролетариата.

Но и они вскоре в борьбе с фашизмом сложили свои буйные головы.

Мы большие надежды возлагали на фашизм, рассчитывали, что он одним ударом свернет шею спасшимся от наших рук активным большевикам. Но случилось невиданное, неожиданное для нашего брата. Чем больше фашизм громил наши города и села, чем дальше он продвигался по нашей стране, тем больше становилось упорство наших войск (отчаяния и героизма хватало и в

начале войны). Мы готовили прокламации типа: "социализм не имеет право на существование, как строй на куриных ножках". Но до сих пор не могу понять, что случилось, почему наша страна выстояла. Вот писатель Чаковский в качестве причины выдвигает второе дыхание, считает, что Сталин свой великий дар использовал в период войны наилучшим образом. Другие главную причину нашей победы над фашизмом ищут в преимуществах социализма перед капитализмом. Но разве мы не устранили эти преимущества еще до войны, разве мы пригласили бы Гитлера в гости, если бы не устранили эти преимущества? И вместе с этим разве мы не отправили лучших полководцев по пути Кирова? Неужели дело в КПСС, как об этом пишут некоторые? Но разве мы не нанесли КПСС сильнейший удар на третьем раунде (первые два мы проиграли в лице Троцкого и Бухарина)? Вот этот тип, по чьей воле мы с тобой беседуем, пишет, что дело не во втором дыхании, не в Сталине, не в КПСС. А в чем же? Что скажет нам этот наглец, который преклоняется перед Марксом, влюблен в Энгельса, восхищается Лениным? Что?! Он уверяет, что дело в установлении демократии в период военных действий. Неужели все марксисты такие же сумасшедшие? Разве мы не устранили фактически экономические условия социалистической демократии еще до войны?

И разве Гитлер послал своих героев для того, чтобы устанавливать демократию, а не для того, чтобы разрушить её окончательно? Как все это понять?

Что он опять сказал? Да заткните ему рот, наконец! Он уверяет, что вопрос о демократии не зависит от нас. Напротив, чем больше мы пытаемся её разрушить, тем более она крепнет. Он уверяет, что фашистская пуля, которая так же глупа, как наши Ковалевы и Косичевы, не понимает, где профессор Сигов, а где марксист Кудрявцев, она одинаково может убить как первого, так и второго, как Сталина-революционера, так и Сталина-диктатора, как Сталина-выдающегося мыслителя, так и Сталина-карлика мысли, как Сталина-большевика, так и Сталина-меньшевика. Фашистская пуля соединяет интересы по главному вопросу о жизни, Родине. Сталин с удовольствием бы назначил Тухачевского и ему подобных на ответственные должности, если бы он их не расстрелял до войны. Ведь, если верить, — Сталин не очень любил Жукова, однако бросал его в самые опасные места.

Этот тип вслед за Марксом, Энгельсом и Лениным уверяет, что дело не в Сталине, а в объективных отношениях между Сталиным и остальными людьми, дело не в ЦК КПСС, а в связях и отношениях между членами КПСС, дело не в КПСС, а в связях между КПСС и народом. И далее этот наглец уверяет вслед за Лениным, что именно характер этих связей обуславливает суть партии, что о партии следует судить не по ее названию, а по тем связям, которые имеются между ее членами и между всей партией и народом, что ленинизм (большевизм) тогда возник, когда Ленину, используя марксизм, удалось в период царизма разработать необходимые и достаточные условия для создания партии рабочего класса, способной руководить и направлять рабочее движение по пути к коммунизму, что наши Сиговы, Ковалевы и Косичевы всячески игнорируют

эти азбучные, но в то же время фундаментальные истины.

Когда же стало ясно, что с помощью фашизма не удастся покончить с большевистской заразой, мы изменили тактику, вернее, вернулись к прежней. Решили вступить вновь в торг со Сталиным. Мы купили у него марксистско-ленинское положение о государстве по более низкой цене, чем та, которую США заплатила русскому царю за Аляску. Однако существующее государство с его органами, которые были беспощадны не только к противникам сталинской теории о государстве, но и ко всем врагам коммунизма, беспокоило нас. Надо было добиться такого положения, чтобы государственные органы, по существу, оказались управляемыми (а не управляющими), и таким образом были направлены против тех, кто создает материальные и духовные ценности. Но как это сделать? Для этого следовало дать самостоятельность руководителям предприятий (правда, мы всегда говорим о самостоятельности предприятий, а не руководителей предприятий). То есть изменить отношение между руководителями предприятий и государством (государственными руководителями) в пользу первых. Сохранить при этом в прежнем виде отношения между руководителями предприятий и работниками данного предприятия. Под видом самостоятельности предприятий дать относительную свободу руководителям этих предприятий по отношению к работникам этих предприятий. Этим самым мы рассчитывали ослабить централизованную власть, решительно развить и восстановить исчезающее чувство индивидуализма, частнособственнические отношения, взаимное отчуждение. Но для этого следовало расширить товарные отношения. Мы обратились с этим вопросом к Сталину, полагая, что он согласится с нашим предложением, ибо он фактически узаконил товарные отношения, чувство частнособственнических отношений. Дело, конечно, не в том, чтобы Верховный Совет принял закон о превращении государственной собственности в частную. Дело вовсе не в этом. Мы прекрасно знаем, что существовали государства, в которых, например, отсутствовала частная собственность на землю. Однако эти государства были феодальными, а не социалистическими. Государственная собственность столь же общественная, сколь частная. Все дело в тенденции развития. Если государственная собственность не перерождается в общественную (не возникают ежедневно, ежечасно коммунистические отношения), то она с железной необходимостью превращается в частную. При этом безразлично, как эта собственность будет называться. В первом случае, когда государственная собственность превращается в общественную, строй называется государственным социализмом или просто социализмом, в котором государство отмирает, рождаются непосредственно коммунистические отношения. Во втором случае, когда государство не отмирает, государственный социализм перерождается в государственный капитализм. Иного пути нет. Государственный капитализм или просто капитализм — все равно, основное богатство концентрируется в руках эксплуататорского меньшинства, а не в руках самих создателей материальных и духовных благ.

Однако Сталин высмеял наше предложение. Сталин сказал, что если продать МТС

(машинно-тракторные станции) колхозам, то заводы в городах окажутся по отношению к колхозам в неравноправных условиях. Заводы и фабрики не являются собственниками основных средств производства. Почему же колхозы должны быть собственниками этих средств? Мы сознательно выходили с маленьким предложением. Мы рассчитывали, что, если Сталин примет наше маленькое предложение, он вынужден будет согласиться со следующим предложением о продаже средств производства заводам и фабрикам.

Наша идея заключалась в том, чтобы восстановить нечто такое, что было в период НЭПа. При этом наши ученые жонглировали цитатами из произведений Ленина. Но при Сталине наша идея заморозилась. Напротив, Сталин начал утверждать, что товарные отношения сковывают развитие общественного производства, делать подкоп под свое учение о государстве, ибо наличие государства предполагает товарные отношения, устранение последних предполагает уничтожение государства. Этим заявлением Сталин доказал, что он перешел на нашу сторону по ошибке. Следовательно, пребывание Сталина на посту Генсека в дальнейшем было не в нашу пользу.

После смерти Сталина большевики подняли головы, решили покончить с ложным авторитетом Сталина, ибо без такого шага невозможно было восстановить марксистско-ленинское учение, очистить марксизм-ленинизм, как говорят марксисты, от всякой скверны. Такое намерение большевиков доставило нам немало хлопот. Однако мы и здесь остались в выигрыше. Наши братья по перу сказали, что Сталин злоупотреблял властью, что он несет ответственность за жизнь огромного количества людей, за ошибки, которые допущены в области теории, особенно в области товарных отношений. Наши люди повсюду кричали, что Сталин не разрешал им быть гениями, каждого, кто говорил, что $2 \times 2 = 4$, называл начетчиком. А если кто осмеливался сказать, что $2 \times 2 = 5$, то тот должен был отвечать на вопрос Сталина: "Ты хочешь быть пятым классиком?". Используя критику культа Сталина, наши люди протащили сначала маленького "поросенка" в виде продажи МТС колхозам, надеясь, что в будущем этот "поросенок" вырастет в огромную "свинью". Общественную жизнь, которая до этого была полна неразрешимых противоречий, дополнили новыми противоречиями. Нелепость ехала на нелепости и нелепостью погоняла. Большевики вновь подняли головы, с треском вышвырнули Хрущева со всех занимаемых им должностей. Мы уже думали, что настал конец света. Этот Генсек с другими большевиками назвали нашу деятельность пустозвонством (хорошо, что пустозвонством, а не прямым вредительством). Однако, мы и тут вывернулись. Наши люди недаром тысячелетиями учились лицемерию. "Так точно, товарищ Леонид Ильич, – говорили наши, — Хрущев и его период есть чистейшее пустозвонство. Как это мы проглядели такого дурака, что в первые секретари его выдвинули"? Но, увы! Этот Генсек и его братья по партии не собирались строить авторитет на понижении своих предшественников, они решили сдвинуть с места тот камень, который оказался не по плечу Сталину и Хрущеву. Этот Ильич после того, как был избран на должность Генсека, сразу же в марте 1965 г. напомнил о центральном вопросе марксизма-ленинизма — вопросе о

государстве. Он привел слова Ленина о злоупотреблении некоторыми руководителями правом подписи. И главное не в том, что привел слова Ленина, а в том, что этот Ильич мысли того Ильича назвал замечательными. Этим самым этот Ильич оживил вновь задачу о государстве, поставил перед марксистами проблему: разрешить данный вопрос в духе марксизма-ленинизма или погибнуть. Но ЦК во главе с Генсеком не довольствовались одной постановкой задачи. Вскоре, — в сентябре 1965 г., — ЦК решил совсем ободрить марксистов. ЦК по существу указал (явно об этом ни слова), что вопрос о государстве в духе марксизма-ленинизма может быть разрешен только на основе экономики. Вопросы политической экономии социализма с остротой были поставлены на повестку дня. Однако наши люди и здесь были начеку. Наши кричали: долой пустозвонство, да здравствует мудрость нового ЦК, сторонника научного подхода. Под этими криками нашим людям удалось пробить новую брешь в экономических отношениях. Однако не все так получилось, как мы того хотели. Нам удалось оживить товарные отношения, но не удалось снять различные виды ограничений на эти отношения, в частности, ограничения на размеры фонда заработной платы, окладов, премий. Зато удалось ввести, якобы с целью максимального учета динамики развития производства, различные виды премий: одна за дело "А", другая — за "Б", третья — за "В", четвертая — за "Г" и так далее. С помощью такого разветвления нашему брату удастся частично снять ограничения на его заработную плату. Новые условия позволили создать такой порядок, "собственную основу", что если рабочего за опоздание на час лишают премии, то нашему брату за отсутствие на работе в течение нескольких часов платят дополнительно в виде полставки. Наш брат, подобно Мефистофелю, присутствует там, где его нет, получает заработную плату там, где он не работает в данный момент, где он не производит ничего. Поэтому наши братья Ковалевы и Косичевы совершенно справедливо подмечают, что не все следует объяснять, исходя из экономических законов. Без такой теории о гуманизме и потенциях, какую предложили Ковалевы и Косичевы, было бы весьма трудно объяснить сущность развивающегося строя на "собственной основе".

Нашим ученым пока не удалось навязать партии следующую мысль: денежные сбережения вносить не в общую государственную сберегательную кассу, а в фонд тех предприятий, в которых люди сами работают. И платить не 2-3%, годовых, а в зависимости от доходов предприятий. Такой подход, освобожденный от различных ограничений, активизировал бы товарно-государственные отношения, при которых, как говорил некий писатель, должности продаются за деньги — с помощью должностей чеканят деньги. Это был бы наш строй без всякой примеси. Тогда бы, Дружище, я из наших научных учреждений вышвырнул таких теоретиков, как ты. В крайнем случае, учитывая заслуги таких, как ты, посадил бы вас на место большевистских идеологов, а последних — прямым ходом в Сибирь.

Но, к сожалению, не все пошло и идет так гладко, как мы хотим. Так, уже на XXIV съезде партии ЦК во главе с Генсеком навязал партии и народу мысль: главное, на что следует

рассчитывать — это эффективность общественного труда. Эти слова прозвучали как прямая угроза в адрес нашего брата, как поддержка марксистов. ЦК закрепил тот критерий, выполнение которого есть признак движения по пути к коммунизму. ЦК и этот Ильич, обращаясь к ученым, рассуждают примерно следующим образом: хотите называть диктатуру пролетариата государством — пожалуйста, только обеспечьте повышение эффективности общественного производства, хотите социалистический обмен называть товарообменом — пожалуйста, только обеспечьте повышение эффективности общественного труда, хотите существующий способ материального поощрения называть разумным — пожалуйста, только повышение эффективности общественного труда обеспечьте.

А как обеспечишь повышение эффективности общественного труда при наличии государства, товарных отношений и уравниловки по разным уровням? Безусловно, никак. Это сам Маркс предвидел. Но, с другой стороны, как нам отказаться от упомянутых категорийных понятий в сознании и на производстве с целью повышения эффективности производства? На чем тогда будет держаться наша власть? Ведь тогда сами люди будут управлять своим производством, все проникнут до мозга костей большевистской, то есть коммунистической идеологией. Какой тактики следует придерживаться при этих обстоятельствах? Безусловно, метода игнорирования. Это особый метод. Этот метод по отношению к частным лицам применяется иначе, чем к государственным. И эту разницу следует всегда помнить. Например, если частные лица приходят к правильным решениям с позиции научного коммунизма, то эти выводы следует игнорировать в полном смысле этого слова. Что же касается государственных лиц, здесь дело другое. Выступления Генсека или решения съезда открыто игнорировать опасно. Поэтому данный метод видоизменяется. Его применяют примерно так, как это делают Сиговы, Ковалевы, Косичевы. Они игнорируют Маркса и Энгельса, ссылаясь на них, игнорируют решения съездов партии и выступления Генсека, ссылаясь на них. Наши профессора приводят цитаты из произведений классиков марксизма-ленинизма не для того, чтобы развивать мысли, содержащиеся в этих цитатах, как это делают Афанасьевы и Кедровы, а для того, чтобы этими цитатами прикрыть антикоммунистические идеи. Посмотри, что делает этот Афанасьев. Он приводит слова из марксизма: "Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей" [11]. И дальше Афанасьев, исходя из мысли о взаимодействии людей, решает вопрос об управлении лицами. На первый взгляд, Сигов и Афанасьев признают одно и то же при социализме — управление лицами, но у первого управление лицами кладется в основу, у второго оно есть продукт взаимодействия. У первого министр управляет директором, директор — мастером, мастер — рабочим, рабочий — станком. Но рабочий не управляет мастером, мастер — директором, директор — министром. У второго министр управляет директором точно так же, как директор — министром, директор управляет мастером точно так же, как мастер — директором, мастер — рабочим, как рабочий — мастером. У первого взаимодействие людей (производственные отношения) является функцией, у второго, как у всех марксистов, — фундаментом (аргументом).

Первый излагает способ управления при государстве в искаженном виде, второй — способ управления вообще и, в частности, при наличии диктатуры пролетариата. Первый фетишизирует вопрос об управлении вообще, второй подводит под него научную базу. Первый укрепляет строй, развивающийся "на собственной основе", второй способствует познанию этого строя с целью правильного с точки зрения марксизма преобразования его. Первый игнорирует тот факт, что вещь, произведенная рабочим и отчужденная от него, управляет поведением министра. Второй способствует пониманию этого отчуждения, тому, что с разработкой экономических мер, устраняющих отчужденность, связан вопрос о социалистическом способе управления. И, наконец, взгляды первого чужды решениям XXIV съезда (хотя он ссылается на них чаще, чем второй), а взгляды второго находятся в полном соответствии с основными выводами съездов, в особенности последнего.

Одним словом, наши братья всячески пытались затушевать главные моменты решений XXIV съезда партии. Зато очень много говорили и писали о том, что такое развитой социализм. Этим самым наши братья одним выстрелом пытались убить двух зайцев. Действительно, если, во-первых, критерии развитого социализма не разработаны до сих пор, то Маркс и Энгельс вовсе не являются основоположниками научного коммунизма; во-вторых, если этих критериев нет, то вывод съезда наивен, ибо, что значит сделать вывод без наличия соответствующих критериев? В обоих случаях наши братья здорово подрывали авторитет съездов партии и марксизма-ленинизма. Мы надеялись, что, подорвав, как следует, авторитет решений XXIV съезда, удастся навязать партии наши взгляды. Но, к сожалению, основные положения решений XXIV съезда получили дальнейшую поддержку со стороны партии и народа, что было закреплено в решениях XXV съезда.

Наши люди, почувствовав, что на последнем съезде не удалось им сдвинуть дополнительно этот строй, развивающийся "на собственной основе", в ту сторону, куда они хотели, решили атаковать решения этого съезда известным методом. С этой целью были пущены в ход Ковалев и Косичев. Они подсунили теоретическому органу ЦК огромную "свинью". Если нашим людям удастся навязать партии изложенный Ковалевым и Косичевым взгляд на социализм, то, считай, мы обеспечены спокойной жизнью еще на долгие годы. А время работает на нас. Надо любой ценой распространять мысли, что сущность социализма нельзя определить, исходя только из экономических законов, что законы диалектического материализма здесь не достаточны, необходимо использовать законы идеализма о гуманизме и потенциях, то есть законы дуализма. Нужно разъяснять людям, что, хотя в развитых капиталистических странах производительность труда выше по сравнению с нашей, несмотря на это, наши потенции и гуманизм выше, чем гуманизм и потенции в этих капиталистических странах. Ты, Дружище, не обращай внимания на тот факт, что в той стране, где производительность общественного труда ниже по сравнению с другими, могут выпускать только морально изношенные продукты. Эту закономерность следует

всячески игнорировать. Игнорировать надо и тот факт, что страна с большей производительностью диктует потребности. Давно мы кричали: «Долой индивидуализм!»? А сегодня мы, не выдержав атаки капитализма, организуем свое производство под их диктовку, следовательно, точно так же относимся к матушке-природе.

Так как пятилетка названа пятилеткой качества и эффективности, то следует ожидать, что марксисты начнут заниматься вопросом об эффективности. Не дай бог, марксисты решат этот вопрос хотя бы теоретически. Вот Хачатуров возится с эффективностью. Неужели он не понимает, под кого делает подкоп? Он поднялся до понимания оценки эффективности целого. Хорошо, что он не догадался еще, как следует оценивать деятельность частей одного целого с точки зрения коммунизма. Это будет конец света! Этим он поставит точку над товарными отношениями. А этот Капустин зачем разлагает существующие формулы определения производительности так, что видно все положительное и все отрицательное? Разве Капустин может гарантировать, что не найдется тип, который сумеет объединить все эти формулы таким образом, что отрицательные стороны будут исключены? Неужели он не понимает, что делает подкоп под ореол нашего брата? Неужели он не понимает, что нашему брату нельзя будет числиться в один и тот же миг в различных местах и зарабатывать деньги? Неужели он не понимает, что тогда с теорией Ковалевых и Косичевых будет покончено? Не лучше и этот Федосеев, который в науке не менее опасен, чем грузин, разогнавший наших, он опасен, как тот из Баку, который забыл уроки истории, как наши вырезали бакинских комиссаров. Федосеев, на первый взгляд, относится к нашему брату из нашей страны снисходительно. Но посмотри, что он делает с нашими из-за рубежа. Он, как тигр, перемалывает им кости. Своим оружием, которым владеет не хуже, чем Кедров, он наносит смертельные раны. Этим своим поведением Федосеев учит читателей тому, как следует бить фальсификаторов вообще, в частности своих. Нам опасны не все критики, а только те, которые, независимо от того, хвалят существующий строй, развивающийся "на собственной основе", или нет, вооружают читателя диалектикой, способом ее применения, иллюстрируют эти способы на простых примерах.

Дорогой Дружище, я обещал тебе раскрыть тайну народного государства, но ее, как было сказано, нельзя раскрыть, не раскрывая тайны теории гуманизма, а последнюю, прямо тебе скажу, не следует раскрывать, иначе и другие догадаются и начнут критиковать вслед за Райкиным наш строй, развивающийся "на собственной основе". Ты помнишь, как этот злой гений высмеял нашего брата, чей плащ сгорел вместе со складом? Наш брат потерял плащ во время пожара, а этот Аркадий проливает крокодиловы слезы и заставляет других смеяться над этим фактом. Что получается? Сегодня люди смеются, а завтра они догадаются, над чем смеются, и попытаются опрокинуть тот камень, на котором мы сидим. Неужели Райкин не может понять, как дорог плащ человеку? Ведь эта вещь стоит 50 - 70 руб., а то и более. А что такое сгоревший склад? Какой ущерб нанесен нашему брату в результате пожара? Пусть стоимость склада со всеми потрохами

равна одному миллиону рублей. Так как наш брат исходит из теории Ковалевых и Косичевых, то есть из общественной собственности, то для него, согласно этой теории, отражающей сущность данного строя, развивающегося "на собственной основе", ущерб от пожара равен одной копейке. Действительно, пусть, для простоты, в СССР работает 100 миллионов работников. Так как склад — общественная собственность, то пожар, уничтоживший этот склад, нанес ущерб всем 100 миллионам работников в размере одного миллиона рублей. Один миллион делим на 100 миллионов — получаем одну сотую рубля — одну копейку, что в пять или семь тысяч раз меньше, чем стоимость плаща. Так почему Райкин смеется над этим фактом? Что здесь смешного? И за что Аркадию дали звание народного артиста? Ведь потерять 5000 копеек — не одну копейку потерять. Понимать надо. А Райкин этого не понимает. И люди, сидящие в зале, которые целых два-три часа смеются над невежеством, этого не понимают. И ученые, которые еще не догадались выдвинуть Ковалева и Косичева в академики, этого не понимают, не понимают простейшую истину. Если говорить экономическим языком об ответственности, то наш брат, потерявший плащ во время пожара, за свой плащ в 5000 раз более ответственен, чем за склад. Следовательно, в 5000 более заинтересован в сохранности плаща, чем в сохранности склада.

Ладно, Дружище, я раскрою тебе тайну теории гуманизма до конца. Вот я подкинул тебе лишнюю сотню в месяц. Хороший я человек? Безусловно! Кто скажет, что я не стою горой за своих подчиненных? Тебя в пример приведу. За что я подкинул тебе сотню? Мы не будем говорить о том, какую основу подводим под эту сотню. Этих основ много. Например, ты получил новую ученую степень, ученое звание, новую должность или отработал столько-то лет. И так далее. Ты оказал мне небольшую услугу. Например, ты собрал определенные отзывы в мою пользу, дал хороший отзыв на работу аспиранта моего товарища, написал отрицательную рецензию на работу этого типа, поставил мне бутылку коньяку, не забываешь вовремя улыбнуться, когда я раскрываю рот. И так далее и тому подобное. Допустим, ты мне одну бутылку коньяку, а я тебе сотню из кармана государства в месяц. Как ты считаешь, я в проигрыше? Безусловно, нет. Это — основа нашего гуманизма. Сотня в месяц это 1200 в год. Пусть для простоты ты будешь получать эту сотню в течение 100 лет, столько, сколько я собираюсь еще пожить. Это будет 120 000 рублей. Если мы поделим эту сумму на 100 миллионов, то получим 12 сотых копейки. То есть чуть больше, чем одну десятую копейки. Пусть бутылка коньяка стоит 8 рублей. Какой мой выигрыш? Почти в семь тысяч раз больше получаю, чем отдаю. А теперь представим себе, что каждый из нас будет подкидывать хотя бы один раз лишнюю сотню другому. Это будет ни мало, ни много — 10 миллиардов рублей. Это уже чувствительная сумма. Если все будут так поступать, то я окажусь в ошутимом проигрыше. Поэтому я заинтересован в том, чтобы все остальные были добросовестными работниками, честными тружениками. Это — вторая сторона нашего гуманизма. С одной стороны, я добр, мне не жалко отдать другому лишнюю сотню за счет общественных средств, а с другой стороны, я заинтересован в том, чтобы другие этого не делали, чтобы они были суровыми, жадными. С одной стороны, я заинтересован в том,

чтобы обманывать общество, а с другой, — я заинтересован в том, чтобы другие люди этого не делали. С одной стороны, я заинтересован в том, чтобы быть жуликом, а с другой, — хочу, чтобы другие были честными и добросовестными гражданами. Одним словом, я заинтересован в том, чтобы все, кроме меня, были добросовестными честными тружениками. И точно так же обстоит дело с другими. Каждый **объективно** заинтересован в том, чтобы все кроме него были честными и добросовестными гражданами. И все это есть "собственная основа" нашего строя, основа теории гуманизма и потенций. Эта "собственная основа" вынуждает всех нас быть жуликами, побольше хапнуть, поменьше отдать. А как же эффективность общественного труда будет расти при такой общественной деятельности?

Более того, при таких обстоятельствах каждый старается подкинуть побольше другому за счет общественных средств в надежде, что получит взаимно. То есть происходит группировка отдельных частей против остальных. И для того, чтобы эти группы не пожрали друг друга, возникает необходимость в наведении порядка. И этот способ наведения порядка называется, милый мой, государством, общенародным государством. Это такой порядок, при котором подкидывать могут лишь отдельные лица, остальные с открытыми ртами жадно следят за тем, кому, что и за что подкидывают, но при этом угрюмо молчат, ибо знают, что молчание иногда, а не всегда, превращается в рубль.

Правда, есть еще и другой способ наведения порядка, называемый этими типами (марксистами) диктатурой пролетариата. Но о диктатуре пролетариата следует молчать, в лучшем случае, отождествлять ее с диктатурой фашизма. А теперь, собственно, о государстве. Для того, чтобы люди не разорвали общественное добро на части и вместе с этим мы все не погибли, необходимо ввести норму поведения, сформулировать те или иные статьи, которые бы указывали, какой срок — за какие нарушения, что не следует делать, чтобы не быть наказанным. И для того, чтобы эти статьи действовали, необходима группа лиц, которых называют прокурорами, судьями, адвокатами. Кто-то должен доставить нарушителя. Эту функцию выполняет милиция. Все эти лица вне производства. Они не могут знать, что делается на производстве, кто ворует, а кто — честный. Необходим еще один орган. Называется этот отдел ОБХСС (отдел борьбы с хищениями социалистической собственности). Заметим, что при наличии социалистической собственности нет никакой надобности в таком отделе, ибо при социалистической собственности все охраняют её, поэтому в особом отделе нет нужды. Но дело сейчас не в названии, поэтому на этом вопросе не стоит особо останавливаться.

Дело вот в чем. Все указанные органы вмешиваются в общественное производство, как правило, тогда, когда отдельный индивид или группа лиц забывают об осторожности, его или их поведение становится весьма заметным. Используя математическое понятие меры, мы можем сказать, что мера вмешательств органов прокуратуры, милиции, ОБХСС в дела общественного производства равна нулю. Иначе говоря, число вмешательств этих органов в дела общественного

производства не больше, чем счетное число, то есть каждому вмешательству можно сопоставить в соответствие натуральное число. Мощность такого количества равна нулю. Тогда как мощность количества производственных моментов уже в течение одного дня равна мощности континуума, или мощности отрезка $[0,1]$, или просто единице (целому). Поэтому налаживать общественное производство с помощью этих органов (даже если все представители этих органов будут чекистами-большевиками) — это все равно, что черпать воду решетом. Искать истину о государстве в отношениях между рабочими и этими органами — заниматься ловлей блох, а не выяснять сущность среды, которая способствует разведению этих насекомых.

Порядок наводят непосредственно на месте производства. Но как? Надо кому-то централизовать производство. Но как? Как я привлеку к себе людей, как заставлю их делать то, что надо? Ведь без этого единства воли нет общественного производства. Естественно, — так, чтобы интересы (прежде всего экономические) людей зависели от моей воли, от моих распоряжений, от того, подпишу я бумагу или нет, дам хороший отзыв или нет и так далее. При таких условиях я могу организовать производство, централизовать деятельность различных людей. Я являюсь носителем централизации. Если интересы моих подчиненных зависят от меня, то я могу ими управлять на свое усмотрение. Но времена, когда можно было говорить "государство — это я", прошли. Сегодня нужно говорить об общенародном государстве. Действительно, разве не в интересах всех мы наводили порядок? Поэтому я говорю: "И в интересах общества лишаю вот этого типа авторства и передаю его работы в распоряжение другому, который в результате такого акта будет в еще большей зависимости от меня, следовательно, будет более исполнителен, послушен, чем тот тип, который самонадеян, как сам Ломоносов". Но в таком акте есть еще и такой интерес, как то, что тот другой поделится со мной результатами того типа. Ломоносов, говорят, на угрозу министра: "Как Вы смотрите на то, что Вас отстранят от Академии", отвечал: "Это никак невозможно, разве что Академию отстраните от меня". А этот тип на нашу угрозу: "Как он смотрит на то, что мы вызовем милицию и отправим его с ней туда, куда надо", отвечает: "Милиция заберет вас, а не меня". Если это не наглость, то что это такое? Откуда такая наглость, самоуверенность, неуважение к чинам? С Ломоносовым ясно, чем вызвана его наглая выходка. Но чем вызвана наглость этого? Почему простые люди чувствуют себя столь уверенно? Это следствие тех недостатков, которые, к сожалению, еще имеются. Действительно, где это было видано, чтобы начальников хватили и сажали в тюрьму? Я понимаю, что того директора, который не угодил министру, можно посадить в тюрьму. Но при чем тут другие, подчиненные? Я понимаю, когда прокуратура осуждает наше неуважительное отношение к министру, но почему она осуждает такое же наше отношение к рабочему? Это ведь против логики, против теории Сигова, которая есть не что иное, как прямое продолжение сталинской теории о государстве. Помнишь, Дружище, ту формулу Энгельса, которую отверг Сталин? Так вот формула Сигова — прямая противоположность формулы Энгельса. Правда, Сигов по известным причинам не ссылается на Сталина.

Наши люди, обворовывая Сталина, ссылаются на Марксе, Энгельса, Ленина. Ты тоже, Дружище, их ученик. Например, ты переписал и опубликовал статью "А" гражданина N, а сослался на статью "В" того же автора, затем переписал статью "В" автора N, а сослался на его статью "А", и так далее.

Но тот факт, что суд осуждает наше отношение к рабочему, это полбеда. Полная беда в том, что об осуждении говорят и пишут, открыто приводят статистику, из которой следует, что большая половина уволенных нами восстановлена на прежние должности с выплатой им за вынужденный прогул (хорошо, что не из нашего кармана). Хорошо, что социологи еще не опросили уволившихся по собственному желанию и не выяснили, по чьему желанию в действительности эти сотрудники уволились. Но даже из скупой статистики, которая публикуется, следует, что начальник (каждый седьмой работник — начальник) в 6,5 раз более склонен ошибаться, чем подчиненный. Отсюда вот этот тип делает вывод, что начальник либо более невежествен, чем подчиненный, либо он умышленно увольняет подчиненного. И в том, и другом случае начальника следует отстранять от занимаемой должности или наказывать другим путем (уменьшением размера его оклада).

И как при этих условиях я могу управлять рабочим? Рабочий уверен в том, что за него есть кому заступиться (хорошо, что рабочие пока обращаются к посредникам, а не берут непосредственно быка за рога). Именно такая практика порождает наглость вот этих типов, которые осмеливаются критиковать наше решение: $2 \times 2 = 5$. Это грубое вмешательство препятствует мудрому руководству производством со стороны нашей технической интеллигенции. Правда, этот тип считает, что мы, хотя окончили вузы, никакого отношения к интеллигенции не имеем. Из сказанного следует, что нам необходимо укрепить нашу линию в органах прокуратуры, КГБ. Алиевых и Шеварднадзе надо гнать из этих органов. Должна быть развернута борьба за эти органы. Как? Безусловно, по-государственному — давать взятки. Давать взятки — это государственный способ борьбы за карательные органы, за привлечение этих органов на свою сторону. Кто больше может дать взятку: я или рабочий? Естественно, я. Следовательно, представитель этих органов объективно заинтересован стать на мою сторону. Это соответствует экономическому учению самого Маркса. Но если устранить огромную разницу в заработной плате (дюринговские прибавки), то смогу ли я привлечь представителя правосудия на свою сторону? Конечно, нет. Но если я уверен в том, что моя взятка теряет силу, то какой мне интерес её давать другому? Дюринговские прибавки есть основа дюринговской теории насилия. Истину о государстве следует искать в отношении между мной и моими подчиненными. Все остальные окружающие нас социальные органы: прокуратура, милиция, КГБ, ОБХСС, общественность в лице партии, профсоюза, комсомола — это орудие, которое используется как мной, так и моими подчиненными в борьбе против противника. Правда, ни я, ни мои подчиненные не называем друг друга классовыми врагами. Так могут говорить грубые марксисты. Правда, среди рабочих и

простых инженеров поговаривают, что как были помещики, так остались помещики, как были господа, так остались господа, как были рабы, так остались рабы. Вот, мол, господа пошли в свою столовую и рабы — в свою. Господа могут уходить и приходить в любое время на работу, они никогда не прогуливают, а крепостные должны отсиживать от и до. Крепостной не пришел на работу — совершил преступление, господин не пришел на работу — был в творческой командировке. Эти слухи, которые все больше и больше расползаются, надо пресекать на месте, а носителей этих мыслей — наказывать примерно.

Если я — материальный носитель централизации, то мои подчиненные являются материальными носителями демократии. Мои подчиненные, если у них есть свои подчиненные, играют обе роли. Отношение между носителями централизации и демократии есть главное отношение. Это отношение может быть только двояким: 1) отношение, которое называется государством; 2) отношение, которое называется диктатурой пролетариата. В основе первого отношения лежит **необходимость обмена и разъединение интересов**, в основе второго отношения — **необходимость обмена и соединение интересов**. О втором отношении, которое теперешним ЦК, как и тем, который был при Ленине, взято на вооружение, следует всячески молчать, ибо такая линия ЦК есть враждебная для нас линия — линия марксизма-ленинизма, большевизма, линия Октября.

В чем суть независимости интересов? Я уже говорил тебе о том, как влияет лишняя сотня, которую я подкидываю тебе ежемесячно (я имею право на это — в этом суть), на мои интересы и интересы других работников. Сто рублей делим на сто миллионов работников. Каждый миллион работников проигрывает ежемесячно один рубль. Это, естественно, мелочь. Кто же будет возмущаться, кто откажется от принципов теории прагматизма, открыто проповедуемой западом, если учесть, что отдельный работник ежемесячно оказывается в ущербе всего-навсего в размере 1/10000 копейки? Стоит ли огорчаться из-за такой мелочи, если известно, что каждый, кто попытается восстановить справедливость, потеряет значительно больше, чем приобретет? А если еще учесть, что такой ущерб наносится косвенным путем через цены, в связи с чем работник думает, что вот та сотня, которую я подкинул тебе, нисколько не влияет на его интересы, то ему абсолютно безразлично, какие теории мы протаскиваем. Вот этот порядок есть "собственная основа", которая позволяет нам защищать на ученых советах теория типа $2 \times 2 = 5$. Ты, Дружище, понял, почему ты защитил диссертацию?

Дружище. Все понял.

Шеф. Такой порядок марксисты называют частным способом присвоения. Но независимость должна быть не везде и всюду, иначе мы вновь окажемся в состоянии полной анархии. Ты прекрасно знаешь, что изменение твоей заработной платы зависит от меня, но изменение размера моей заработной платы зависит не от тебя, а от моего начальника. Вот такая односторонняя материальная зависимость называется государством. Эта зависимость порождена необходимостью

борьбы с анархией, но не необходимостью полного отрицания анархии. Государство, устраняя анархию, вновь воспроизводит её.

А что такое диктатура пролетариата? Это, — говорят марксисты, — двусторонняя материальная зависимость, то есть изменение моей заработной платы так же зависит от тебя, как изменение твоей заработной платы — от меня. Что это значит на практике? Допустим, я за счет общественных средств подкинул тебе лишнюю сотню. Как отразится эта сотня на мне и на твоих ближайших товарищах? Значительная часть этой сотни будет компенсирована за счет моего кармана, оставшаяся часть будет распределена между твоими сотрудниками таким образом, что чем дальше в общественном производстве расположены сотрудники от тебя, тем меньше они будут проигрывать. Поэтому я, не дожидаясь пока вот этот тип обратится с письмом в "Правду", сразу же учту его замечания, которые, безусловно, прежде всего, в моих интересах. А сегодня при наличии односторонней материальной зависимости замечания этого типа соответствуют моим интересам в том случае, если мой субъект обладает таким качеством, как большевизм, то есть коммунистичностью. Но ты хорошо знаешь, как я отношусь к этому качеству, следовательно, ты знаешь, как следует относиться к этому типу. Ты помнишь, по какому критерию Ленин отыскивал своих людей, марксистов? Ленин говорил, что марксист тот, кто доходит до признания диктатуры пролетариата, кто признает власть самого производителя. А я говорю тебе, что наш человек (антимарксист) тот, кто признает государство, безразлично, как оно называется, мою власть, власть моих братьев. Раньше, например, на руководящие органы выдвигали коммунистов, а теперь в партию принимаем руководителей. Пусть сначала человек докажет, что он наш, а уже потом будем решать, принимать его в партию или нет.

А кого выдвигают в руководители? Конечно, из среды интеллигенции. Таким образом, производство в наших руках. Но тут есть одно большое «Но!» Это вопрос о политическом, руководстве. Необходимо захватить этот тип руководства, от которого зависит, какое экономическое отношение будет господствовать, — государственное или то, которое есть диктатура пролетариата, называемая сегодня общенародным государством. Именно характер политической власти будет решать вопрос, в каком направлении будут преобразованы существующие отношения: в том направлении, которое указано последним съездом КПСС, или в том направлении, о котором я говорил тебе. Для окончательного захвата политической власти наши люди сделали очень много не только в области государства, экономики, но и в главной цитадели большевизма — в партии. Мы резко изменили количественное соотношение рабочих в партии. Из года в год доля рабочих — членов партии стала уменьшаться по отношению к остальным слоям. Но в последнее время мы не можем пользоваться одними экстенсивными методами. Теперь нужно научиться пользоваться интенсивными методами. Ни один, читавший произведения Маркса, Энгельса, Ленина, не должен быть принят в партию без нашего ведома. Надо всячески препятствовать вступлению марксистов из среды интеллигенции в партию. И это

приведет к тому, что нам нужно, — к власти Советов без большевиков. В силу того, что руководитель обязан быть компетентным, он должен быть из среды интеллигенции. Но в руководители мы выдвигаем тех, кто ничего общего не имеет с большевизмом. Вот по этой простой причине мы рано или поздно придем к власти Советов без большевиков, без коммунистов. Захватив ключевые позиции политической власти, мы не только не дадим изменить существующие отношения в направлении диктатуры пролетариата, как это требуют марксисты, большевики (коммунисты) и осознающие свое фактическое положение рабочие, но преобразуем существующие общественные отношения окончательно в направлении нашего строя, а таких типов, как Алиев и Шеварднадзе, повесим на первом суку, не будет пощады и их покровителям из Москвы. Наш первейший лозунг — очистить партию от большевистской заразы, от марксистов, заполнить её людьми, вооруженными теорией Сиговых, Ковалевых, Косичевых. Но так как все это нельзя сделать сразу же, нельзя достичь цели штурмом, то мы должны использовать осадное положение. Время работает на нас. Не вечно же жить этим большевистским осколком. Надо всячески хвалить существующий строй, развивающийся "на собственной основе", называть его не социалистическим, как это делают наши идеологи из нашей страны, а коммунистическим, как это делают наши идеологи из-за рубежа. Чем позже опомнится рабочий класс во главе с коммунистами, тем лучше.

«Кто чрезмерно долго медлит,
Тот рискует головой», —

так писал Шота из Грузии, земляк этого бунтовщика. Пусть эти типы обращаются в высшие инстанции с письмами, пусть напоминают, что

"Враг наш ликующий в бездну нас гонит,
Славы желая, бесславно мы мрем.
Родина-мать и рыдает и стонет...
Вождь наш, спеши к нам —
Мы к смерти идем".

Мы будем отвечать на это соответствующим образом. Кто мрет бесславно? Мы славно живем и славно умираем в нашем гуманном обществе. Ну что особенного в том, что вот тот ученый умер бесславно, что мы его работы ни разу не обсуждали? Зато мы опубликовали посмертно его работы под его именем в почти закрытом издании. Но как мы могли обсуждать его работы? Ведь в случае успеха, что было почти гарантировано, наша область познания была бы обновлена, и руководить обновленным способом знания должен был бы он, а не я, следовательно, он получал бы дополнительную дюринговскую прибавку, а не я. Но разве я в этом заинтересован? Конечно, нет. А почему после смерти этого ученого мы не воспользовались до сих пор его идеями? Во-первых, сразу, не навлекая на себя различного рода упреки по поводу того, что мы зажимали ему рот, признавать работы ученого нельзя. Потом нельзя сразу приписать его работы

себе и таким образом воспользоваться ими, не ссылаясь на него, так как не исключена возможность, что кто-то еще помнит, чем занимался этот ученый. Другое дело, когда пройдет достаточно времени, что все забудут имя этого ученого и суть его работ. Так мы поступили по отношению к тому ученому, который умер 25 лет назад. Мы присвоили его работу, написанную лет сорок назад. За эту нашу общественную деятельность получили вознаграждение. Вот этот тип, когда обнаружил, что мы сделали, возмущился. До чего жадные эти марксисты. В результате нашей акции был нанесен этому типу ущерб максимум в размере 1/1000 копейки, а он возмущился, жалуется. Пусть жалуется. Кто ему поверит? Все скажут, что он просто невыдержанный, не знает, как себя вести с вышестоящим начальством, что он наивен, не понимает того, что он, когда возмущается против нанесенного ему ущерба в размере 1/1000 копейки, может потерять не одну тысячу рублей. Каждый ему напомним: "Если хочешь плюнуть на себя — пиши жалобу на начальство". Ведь его жалоба поступает по существу в наши же руки. Мы решаем его судьбу, но теперь особым образом. Именно в этом отличительная черта теперешнего государства от того, что было при Сталине после 1936 года.

Раньше жалобы не отсылались на рассмотрение тем, на кого они поступали. Органы, которым доверял жалобщик, сами решали вопрос. А теперь другое дело. Человек обращается с жалобой в высшие инстанции, к тем, кто ближе к непосредственно избранным народом. И что же получается? Заглянув в зеркало, я вижу, что вот один тип обратился с жалобой к нашему главному начальнику. Тот, посмотрев на жалобу, удивился и переслал её своему подчиненному. Последний читает жалобу, видит, что в его поместьях кто-то не доволен чем-то, и отправляет жалобу своему подчиненному. Этот последний, прочитав жалобу, покраснел, разгорячился, вызвал жалобщика и любовно взглянул ему в глаза, что привело в чрезвычайное смущение жалобщика. Однако жалобщик сдержанно молчал, наблюдая внимательно за тем, как начальник старался не выдать свое волнение. Начальник третьего уровня обращается к жалобщнику не то с вопросом, не то с отчетом о своей деятельности: "Что делать, — говорит он, — выгонять того? Я ведь был против него, однако главный начальник поддерживал его кандидатуру". Жалобщик понял, что главный начальник оказался фактически заинтересованным лицом. Однако жалобщик на все эти замечания никак не реагировал. Его отпускают, предоставляя ему самостоятельно, без давления сверху решить вопрос в нужном нам направлении. Ведь начальник третьего уровня дал понять, что главный начальник не заинтересован наказывать меня. Прямо скажу: я своего начальника ненавижу. Но что делать? Приходится мириться с недругом перед бóльшей опасностью. Мой непосредственный начальник, хотя он ненавидит меня, должен поддерживать меня. Почему? Потому, что мы с тобой подложили ему не одну "свинью". Я связал его интересы со своими крепкой веревкой. Если он будет разоблачать меня и других мне подобных, то к нему отнесутся, как к коммунисту, который выполняет свой долг, и особой милости ему не дожидаться, не наградят его за такую деятельность орденом Ленина. А если будет поддерживать таких, как я, то мы, как верные псы, будем работать на него. Вот поэтому этот начальник, вызвав жалобщика, сказал ему в

присутствии секретаря партбюро: "Дается тебе полчаса на обдумывание. Если через полчаса не заберешь свою жалобу, то созовем комиссию, решим, что ты — клеветник, и уволим". Однако жалобщик, которого все считают почему-то очень чувствительным и наивным, глазом не моргнул. Он не появился через полчаса, через час занимался увлеченно своими формулами, не пришел и через день. На третий день секретарь партбюро, не дождавшись прихода жалобщика, напомнил ему о предложении начальника примерно следующим образом: "Не желаете ли вы забрать свое заявление и передать его в наши руки?". На что жалобщик отвечал примерно так: "Мое заявление находится в ваших руках". Секретарь партбюро и мы все остальные руководители хотели, чтобы жалобщик свою жалобу на нас адресовал нам. Вот как! После такой мягкой процедуры, называемой поглаживанием по головке с нахмуриванием бровей, приглашают жалобщика к начальнику четвертого уровня. Любой бы позавидовал такому приему, какой был оказан жалобщику в кабинете начальника четвертого уровня. После приятных церемониальных приветствий начальник четвертого уровня перешел к делу, сказав, что целиком и полностью согласен со всем, что написано в его заявлении, он напомнил, что есть подразделения, в которых дела еще хуже. "Что делать?" — спрашивает начальник заявителя. Но последний почему-то отмалчивается. "Снимать его как не справившегося?" — вновь вопрос. "Это — топорный метод", — отвечает заявитель. Спасибо этому типу хоть за это. "Но другого метода нет в наличии", — возражает начальник четвертого уровня. "Либо он должен уволиться по собственному желанию, — продолжает начальник, — либо Вы". "Это — антисоциалистический метод" — мягко возражает заявитель. "Таких заявлений, как Ваше, мы получили больше двадцати, однако ни в одном случае интересы заявителя не удовлетворены", — предупреждает начальник. "Да?" — сжимаясь в комок, говорит заявитель. "Да. Для того, чтобы заявитель выиграл, необходимо, чтобы все написанное было на 100% достоверно, нельзя было придраться ни к одному слову. Вы отвечаете за каждое Вами написанное слово?". "Да, — отвечает заявитель, — но для того, чтобы заявитель выиграл, необходимо, чтобы Вы и Ваш начальник были заинтересованы в налаживании общественного производства". "А что, если Вы возьмете все на себя?", — не то с вопросом, не то в виде прямого совета обращается начальник. "Вы советуете забыть все?", — спрашивает заявитель. "Нет-нет, не советую, но такая возможность у Вас есть" — говорит начальник, внимательно заглядывая в глаза заявителю. На этом прервалась их беседа. Но заявитель не оправдал надежды. Тогда мы были вынуждены пойти на крайность, воспользоваться методом: "вливание различного рода вакцин в тело заявителя с целью разрушения его организма, психологического настроения". Наши люди неофициально предупреждали его: "Прекрати, а то будет плохо, заберут в психбольницу, сделают тебе укол — и был таков". Однако и официально предупреждали его несколько раз. Однажды этот тип после очередного предупреждения ответил: "Прошу не предупреждать в пятый раз — я не торгую совестью". Секретарь партбюро (он же председатель комиссии, созданной по разбору заявления этого типа) по-товарищески, по-дружески предупредил: "Не допусти над собой хирургическую операцию, которая будет проведена над тобой, если ты не уволишься по

собственному желанию". И предложил заявителю свои услуги по трудоустройству. Однако этот тип не внял, не понял всю гуманность, которую проявили наши люди в соответствии с теорией Ковалевых и Косичевых. Тогда наши люди прибегли к известному со времени инквизиции методу: они решили поджечь все, что окружает этого типа, насильным путем натравить на него коллектив, его собственную семью. Добровольно никто, за исключением тебя и тебе подобных, не собирался нападать на него. Мы надеялись, что этот тип окончательно увязнет в борьбе со своими товарищами. Но, увы! Он без боя покидал круг своих товарищей.

Почему я рассказываю тебе обо всем этом? Да только потому, чтобы подчеркнуть те успехи, которые мы имеем после критики культа Сталина. Впрочем, если сравнивать наши успехи и неудачи в целом, то, пожалуй, последние преобладают. Как ни говори, но один тот факт, что культ Сталина преодолен, в связи с чем появилась возможность критиковать его не только, как государственного и партийного деятеля, но и как теоретика, наносит нашему делу огромный ущерб — это сильнейший удар по нашей линии, это говорит о том, что большевики еще у власти, что само по себе — уже смертельная опасность.

Но все-таки следует сказать о наших успехах. Если при Сталине нам удалось фактически отвоевать экономическую основу государства, прорвать брешь в идеологии правящей партии и, тем самым, закрепить наши позиции, то после критики культа личности Сталина, созданного с помощью наших усилий, следовало решить организационные вопросы государства. Это значит, что Сталин "позабыл" лишь укрепить экономические условия диктатуры пролетариата, но организационно поддерживал интересы рабочего класса и других трудящихся масс. Другими словами, экономический базис был почти наш, а надстройка — чужая. И вот такой строй Сталин назвал социализмом. Но, как известно, из учения Маркса следует, что базис не может терпеть чрезмерно долго чужую надстройку. Рано или поздно характер надстройки преобразуется в соответствии с характером базиса. Классическим примером, подтверждающим правильность этого тезиса, является возникновение культа личности Сталина. А после разоблачения культа личности Сталина — возникновение культа Хрущева. И один тот факт, что ЦК пошел на разоблачение культа, говорит о том, что этот опасный для нашей "собственной основы" орган партии признает фактически, что базис данного строя, развивающегося на "собственной основе", далеко не социалистический. Однако признать формально (официально), что "собственная основа" данного строя далеко не социалистическая ЦК пока не решается. Причиной тому является тот же винтик, который так часто позволяет нам вырвать признание у нашего ученого совета, что $2 \times 2 = 5$, а не 4. По той же причине, по какой наш совет не заинтересован "саморазоблачиться" (между прочим, такое "саморазоблачение" делает честь ученому совету), по той же причине ЦК формально не хочет признавать прошлые ошибки, что является важным фактором для нашего дела, серьезным препятствием для большевиков.

До критики культа Сталина организационные вопросы государства решались не только в

нашу пользу, но и в пользу рабочих. Нам это было чрезвычайно невыгодно. Напишут рабочие жалобу на тебя — и баста. А после критики культа наши заявили, что мы преодолели диктатуру Сталина, восстановили ленинские нормы, дышим свободно, нет никакой надобности в диктатуре пролетариата, рабочий класс должен формально отказаться от власти над своим производством, ибо фактически он "отказался" от нее еще в 1936 году, нужно переходить к общенародному государству.

После такого вывода нашему брату стало жить совсем вольготно. Пишут рабочие жалобы в высшие инстанции на нашего брата, а жалоба возвращается в наши руки. И мы говорим рабочим, что они болваны, смутьяны, клеветают на своих доброжелательных начальников. И поэтому вы, дорогие рабочие, должны уволиться по собственному желанию. Рабочие после такой процедуры приходят в ярость, и эта ярость, которая грозит погубить всю нервную систему, ищет выхода. Так как рабочий в таком состоянии не может находиться долго, иначе он может получить инфаркт или другое заболевание на нервной почве, например, экзему, то рабочий, инстинктивно спасая себя, как биологическое существо, бежит в ближайший магазин, покупает бутылку — и был таков. Рабочий обжигает водкой свою израненную душу. Водка действует, как обезболивающее средство. Однако водка действует на мозг, особенно, когда её пьют без закуски, которой у рабочего, как правило, не хватает. На следующий день голова разламывается, рабочий не может идти на работу — совершен прогул. Наш брат объявляет рабочему выговор, лишает премии, то есть вторично наказывает семью рабочего. Рабочий вспоминает о "целебном" свойстве водки — бежит по знакомой дорожке в знакомый магазин. Денег для "лекарства" маловато, — сколачивает коллектив из троих, — и бутылка водки пуста. Однако, что такое бутылка водки на троих, её им едва ли хватает на то, чтобы смочить губы. Они начинают соображать, разговаривать о своих горестях. И так как выпитая водка придает им смелость, то они решаются восстановить справедливость. Один рассказывает другим, что его лишили премии, что эту премию начальник использовал на любовницу, другой описывает свою судьбу еще похлеще, а когда третий заканчивает свою речь, все трое сверкают очами. Это признак зарождения бунта. Однако нам часто везет: рабочие же не успев организовать, успевают совершить какое-либо преступление, — и мы их вон из предприятия. Не дай бог, рабочие начнут соединяться под влиянием идей научного коммунизма, проповедуемых этими типами, марксистами. Но, дорогой Дружище, пока мы беседуем по воле этого типа, произошли весьма неприятные для нас события. Правда, эти события не означают еще конец света, конец нашего самовластия, а лишь являются симптомами. Однако, повторяю, нам нужно быть начеку. Вот на недавнем заседании Верховного Совета осуждена та практика, о которой я говорил тебе только что. Но если под руководством теперешнего ЦК во главе с этим Ильичем восстанавливаются организационные принципы диктатуры пролетариата, то кто может гарантировать, что этот процесс не пойдет и дальше, не будет распространен на социально-экономическую сферу.

Вот недавно, пока мы тут беседовали, появилась статья, которая внешне довольно сдержанная, но явно направленная на подрыв наших основ. Я имею в виду статью: "Использование законов в развитом социалистическом обществе" [12]. Внешне эта статья ничем не примечательна, используется термин, "развитой социализм". Но стоит внимательно проанализировать каждое предложение этой статьи (Хачатурова и Абалкина), как становится ясно, что авторы хотят сделать существующий строй, который есть не что иное, как государственный социализм, развитым социализмом в полном смысле этого слова. Это, естественно, направлено против нас, ибо мы хотели и хотим перевести этот государственный социализм (социалистическую надстройку без социалистического базиса) на рельсы открытого государственного капитализма. С упомянутыми авторами, несмотря на их высокий авторитет, мы могли бы еще поспорить. Но что делать нашим ученым после появления "Размышления" Карла Маркса? Теперь, ссылаясь на Маркса, этот тип будет называть наших государственников и товарников, которые, сохраняя разъединение интересов, хотят устранить злоупотребление властью, спекуляцию, — ослиами. Хорошо, если он "восхваление" в адрес наших ученых ограничит этим. Думаю, что он упрекнет Маркса за то, что он слишком высоко оценил Прудона, Грея, а вместе с ними наших государственников и товарников, сравнивая их с ослиами. Этот тип заявит, что осел знает свое дело гораздо лучше, чем наши больные высокомерием ученые. Ведь осел никогда не попытается перепрыгнуть через пропасть с одного её края на другой без мостика перехода. На осле можно ездить в горах, не боясь провалиться в пропасть, а нашим людям, по мнению этого типа, нельзя доверять рулить даже на равнине.

Дорогой Дружище, пора заканчивать беседу — идет этот тип, с которым мы, согласно теории Ковалевых и Косичевых, должны обходиться вежливо.

* * *

Так прервалась "историческая" беседа между Шефом и Дружищем. Будет ли продолжена эта "историческая" беседа или нет, зависит от того, как пойдет дальнейшее развитие, а последнее зависит от того, будет ли фактически понята и признана природа социалистических производственных отношений или спекулянтам типа Ковалева и Косичева будет предоставлено неограниченное право разглагольствовать о научном коммунизме. В основу спекуляций упомянутых "спецов" положены дуалистические рассуждения об экономических законах и гуманизме, то есть экономические законы и гуманизм рассматриваются как самостоятельные (независимые), равноправные факторы. Ни один марксист не отрицает преимущества социализма по сравнению с капитализмом по такому параметру, как гуманизм. Но только марксисты никогда не исходят из гуманизма, а напротив, выводят его, как определенную закономерность, из системы действий экономических законов при социализме, то есть из производственных отношений социализма и коммунизма. Люди, которые уверяют, что "победа социалистических производственных отношений не ведет к их немедленному перерастанию в коммунистические",

либо не поняли и $1/n$ (где n — количество работников данной страны) долю природы социалистических производственных отношений, следовательно, способны учесть не более, чем $\frac{1}{2^{(n-1)^2}}$ долю количества возможных производственных состояний, либо они подло предают ежегодно, ежедневно, ежечасно дело коммунизма.

5 Производственные отношения (уравнения) социализма и коммунизма

Коль двум друзьям поспорить суждено,
Посредников у них быть не должно.

Фирдоуси

Кто в дружбе видит лишь источник благ,
Тот друг себе, а другу худший враг.

Саади

Сойдешься с добрым — добрым станешь.
Сойдешься с подлым — подлым станешь.
Пойдешь с глупцом — ему подобным станешь.
Иди с тем, с кем благородным станешь.

Насир Хосров

Анализируя задачи, стоящие перед КПСС, Генсек её ЦК Л.И.Брежнев пишет:

"В сущности речь идет о нахождении гармонического сочетания интересов и прав каждого человека с интересами и правами коллектива, общества, государства. Это, возможно, одна из самых трудных задач. Мы хотим решить её, строя коммунистическое общество, такое общество, в котором каждый человек с наибольшей полнотой и пользой (для себя и других) смог бы раскрыть себя, проявив все доброе, заложенное в нем природой. Мы идем по избранному пути, возможно, не так быстро, как хотелось бы, возможно, не без недостатков"

([13], стр. 20).

Так товарищ Л.И.Брежнев формулирует главную задачу КПСС — задачу раскрытия производственных отношений социализма и коммунизма, их внедрения на практике. От решения этой задачи зависит вопрос о передаче всей полноты политической власти трудящимся массам — дело коммунизма. Политическая власть КПСС, как власть органа, централизующего интересы и волю всех трудящихся, укрепляется прямо пропорционально тому, как решается задача, сформулированная Л.И.Брежневым. Чрезмерно долгое "держание" политической власти в руках коммунистической партии без правильного решения данной задачи ведет к потере политической власти компартией посредством перерождения её в свою противоположность.

Все, что отдашь, сохранишь,
Все, что сохранишь, потеряешь.

Сталин не понял эту мысль своего гениального земляка Шота Руставели.

Либо компартия, когда она у власти, преобразует социальный уклад общества в направлении коммунизма, передавая, как учил Ленин, всю полноту власти самим трудящимся массам, либо данный социальный уклад общества преобразует саму партию, постепенно лишая трудящихся масс политической власти. Заметим, что Генсек четко выводит гуманизм из решения социально-экономических задач: "мы хотим решить её" (строительство коммунизма) так, чтобы "каждый человек с наибольшей полнотой и пользой (для себя и других) смог раскрыть себя, проявив все доброе, заложенное в нем природой".

Предположим, что коллектив состоит из n работников (групп). Пусть $\varphi_i(t)$ характеризует функцию производственной деятельности i -го работника (группы), $f_i(t)$ — материальные интересы i -го работника (группы).

5.1 Общественное производство

Общественное производство характеризуется тем фактом, что изменение $\varphi_i(t)$ зависит от изменения состояния $\varphi_j(t)$, то есть.

$$\frac{\partial \varphi_i(t)}{\partial \varphi_j(t)} \neq 0 \quad (1)$$

где $i, j = 1, 2, \dots, n$.

5.2 Товарные отношения

Характерным свойством товарных отношений является необходимость обмена продуктами производства, то есть условие (1), при сохранении относительной независимости интересов различных работников (групп), то есть изменение состояния $f_i(t)$ не зависит от изменения состояния $f_j(t)$. Иначе говоря, товарные отношения с учетом (1) можно записать так:

$$\left\{ \begin{array}{l} \frac{\partial \varphi_i(t)}{\partial \varphi_j(t)} \neq 0 \\ \frac{\partial f_j(t)}{\partial f_i(t)} = \frac{\partial f_i(t)}{\partial f_j(t)} = 0, \quad i \neq j \end{array} \right. \quad (2)$$

Точнее, частные производные $\frac{\partial f_i(t)}{\partial f_j(t)}$ либо равны нулю, либо не существуют.

5.3 Государство

Так как система условий (2) является противоречивой, то она является основой анархии,

произвола: каждый заинтересован в обмене, но не заинтересован в том, чтобы другой выиграл в результате обмена. И для того, чтобы общество в бесплодной борьбе, — как подмечает Энгельс, — не уничтожило себя, возникает необходимость в создании специальных органов власти. Власть этих органов признается всеми членами общества — в этом её общественная сила, независимость её существования от воли и сознания отдельных индивидов. Государственная власть призвана централизовать, регулировать деятельность отдельных индивидов, не устраняя второе условие (2). Государственная власть, преодолевая анархию, воспроизводит её заново.

Экономически государство характеризуется следующей системой условий (отношений)

$$\begin{cases} \frac{\partial f_i(t)}{\partial f_j(t)} = 0 \\ \frac{\partial f_j(t)}{\partial f_i(t)} \neq 0 \end{cases} \quad (3)$$

где:

$f_i(t)$ — интересы и права носителя централизованной государственной) власти — начальника,

$f_j(t)$ — интересы и права носителя демократии (децентрализации) — исполнителя (подчиненного).

5.4 Диктатура пролетариата

Пусть $f_i(t)$ характеризует интересы и права носителя централизации, $f_j(t)$ — интересы и права рабочих и крестьян, $f_k(t)$ — интересы и права крупной буржуазии, кулаков.

Экономические отношения при наличии диктатуры пролетариата характеризуются следующей системой условий.

$$\begin{cases} \frac{\partial f_i(t)}{\partial f_j(t)} \neq 0 \\ \frac{\partial f_j(t)}{\partial f_i(t)} \neq 0 \end{cases} \quad (4)$$

$$\begin{cases} \frac{\partial f_i(t)}{\partial f_k(t)} = 0 \\ \frac{\partial f_k(t)}{\partial f_i(t)} \neq 0 \end{cases} \quad (5)$$

С исчезновением крупной и мелкой буржуазии условие (5) (условие государства) отмирает, то есть отмирает **государство, но не диктатура пролетариата, как организация**. Диктатура пролетариата отмирает как государство (условие (5)), но не как диктатура пролетариата (условие (4)).

Ошибка Бухарина заключается в том, что он игнорировал систему условий (5), ошибка Сталина в том, что он проигнорировал систему условий (4) по-"каутскиански", отождествил систему диктатуры пролетариата ((4) – (5)) с системой государства (5).

5.5 Производственные отношения (уравнения) социализма и коммунизма, или условия беспрепятственного развития производительных сил общества

Беспрепятственным (оптимальным) условием развития производства является следующая система отношений (уравнений):

$$\frac{\partial \varphi_i(t)}{\partial \varphi_j(t)} = \frac{\partial f_j(t)}{\partial f_i(t)} \quad (6)$$

Само собой разумеется, что система уравнений (6) невыполнима без уничтожения такого бюрократического аппарата, как государство. Само собой разумеется, что система (6) отрицает как государственные отношения (систему условий (2) или (5)), так и товарные отношения. Система уравнений (6) является той системой производственных отношений, связей, которая составляет экономический базис социализма и коммунизма. Система отношений (6) указывает на тот факт, что закон об обязательном соответствии производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил выполняется повсеместно и ежесекундно.

Система (6) состоит не из $(n - 1)$ уравнений, что максимально допустимо при государстве, а из $n \times (n - 1)$ уравнений. Решение системы (6) позволяет учитывать все $2^{n(n-1)}$ производственных состояний, а не 2^{n-1} , что максимально допустимо при наличии государства.

5.6 Закон стоимости

Маркс и Энгельс относились к закону стоимости точно так же, как к государству, отрицали этот закон при социализме точно так же, как и государство. Государство, будучи призвано устранить анархию, воспроизводит её. Закон стоимости, призванный совершать эквивалентный обмен, в действительности нарушает этот принцип при капитализме. Почти никогда и нигде принцип эквивалентного обмена не соблюдается конкретно. Пусть $c_i(t)$ — стоимость i -го изделия, $u_i(t)$ — цена i -го изделия.

В классовом обществе, то есть при наличии товарных отношений действует закон стоимости в следующем виде:

$$\sum_{i=1}^N [c_i(t) - u_i(t)] = 0 \quad (7)$$

При социализме этот же принцип эквивалентного обмена приобретает совсем иное содержание и форму:

$$\sum_{i=1}^N |c_i(t) - u_i(t)| \Rightarrow 0 \quad (8)$$

Эффективность общественного труда растёт (уменьшается) прямо пропорционально уменьшению (увеличению) величины

$$\frac{1}{2} \sum_{i=1}^N |c_i(t) - u_i(t)|$$

Падения эффективности труда невозможно остановить без удовлетворения условия (8). А закон (8) не может действовать без выполнения системы (6). А систему (6) невозможно понять с помощью государственного способа мышления. Наличие непрерывного выполнения системы (6) порождает сразу же потребность в труде, такую потребность, при которой лишь возможен переход к коммунистическому распределению.

Система производственных отношений (6) есть итог теории марксизма-ленинизма, верность которого подтверждает практика строительства коммунизма в СССР. Мысль, что мы строим коммунизм, не должна служить причиной мещанского самоуспокоения. Строить коммунизм и построить коммунизм — это не одно и то же. Мы, строя коммунистическое общество, не построили даже социализм как таковое. Отрицать это утверждение — это значит заниматься самообманом. При наличии политической власти в руках рабочего класса переход от капиталистических основ к социалистическим в тысячу и тысячу раз сложнее, чем переход от социализма к коммунизму. Кое-кто забывает эту азбучную истину, придерживаясь реакционной стороны формулы диалектики "все действительное разумно", то есть достигнутое есть социализм.

Переход от социализма к коммунизму совершается как бы "автоматически", ибо большинство в этом **объективно** заинтересовано только с положительной стороны, тогда как переход от капитализма к социализму совершается посредством преодоления раздвоенности каждого труженика, то есть каждый труженик не только за социализм, но против него, что проявляется в элементах его инертности, пассивности, служащей хорошей почвой для активных реакционных элементов.

Само собой разумеется, система уравнений (6) не может быть понята и решена на основе теории капитала (капиталистического способа производства). Система (6) может быть понята и решена на основе теории антикапитала, но не в смысле антимарксизма, а в смысле марксизма, продолженного на противоположную плоскость. К этим выводам пришли сами основоположники научного коммунизма. Одним словом, для того, чтобы решать задачи социального преобразования общества, нет другого пути, кроме как признать **без всяких оговорок** основные положения марксизма-ленинизма, касающиеся способа управления (государства), обмена, распределения, потребления и вопроса о партии. Эти выводы являются инвариантами, — не зависят от времени, национальных границ и других условий. Основы научного коммунизма нужно применять и таким образом развивать теорию научного коммунизма, а не подменять и таким образом опошлять теорию научного коммунизма.

Законы экономики связаны через систему уравнений (6). "Неполнота познания экономических законов проявляется, прежде всего, в том, что... не раскрываем полностью устойчивые причинно-следственные связи, которые пронизывают производство, распределение, обращение и потребление" ([12], стр. 6–7). Здесь профессором Р.А.Белоусовым высказана та мысль, что "неполнота познания экономических законов проявляется, прежде всего, в том", что не решаем систему уравнений (6) совместно. А задача, как подчеркивают марксисты Т. С. Хачатуров, Т. А. Козлов, А. И. Румянцев, Р. А. Белоусов, Д. И. Абалкин и другие, в том, чтобы использовать экономические законы в единой системе, то есть решать совместно систему (6). И совершенно справедливо указывает академик А. И. Румянцев, что использование объективных законов в масштабах народного хозяйства и в интересах общества есть свойство, имманентное лишь социализму. При капитализме такого использования законов быть не может ([12], стр. 5). Почему? Потому, что базис социализма и коммунизма (система уравнений (6)) соединяет все экономические законы в одну единую систему законов. Поэтому действие социализма (решение системы (6)) означает сознательное использование объективных законов экономики. При капитализме такое использование законов невозможно по той причине, что правая часть системы (6) — частные производные от функции изменения интересов одного по функции изменения другого — равна нулю почти всюду и всегда, тогда как левая часть системы отлична от нуля. При капитализме сохраняется антагонистическое противоречие между общественным характером труда (условие (1)) и частным присвоением (условие (2)). Между этими двумя условиями, само

собой разумеется, бессмысленно искать знак равенства. Маркс таких ученых, которые пытались поставить знак равенства между упомянутыми условиями, называл ослиами: "Они сохраняют отделение продукта от его обмениваемости, ибо они сохраняют стоимость и частный обмен. Но они **хотят так упорядочить знак этого отделения, чтобы он выражал тождество**" [14]. Напомним, еще раз, что Маркс и Энгельс воевали против стоимости точно в таком же смысле, в каком против государства: против определенного содержания и формы действия принципа эквивалентного обмена, но не против самого принципа, который, насколько помню, они называли принципом рационального обмена. Маркс и Энгельс выступали против государства в том смысле, что отрицали определенное содержание и форму действия принципа управления, но не отрицали сам принцип управления, необходимость его. Поэтому, когда речь заходит о том, что марксизм-ленинизм отрицает государство и стоимость, следует помнить: Маркс, Энгельс и Ленин отрицали классовый способ управления и обмен, но не принцип централизованного управления (управление конечной системой может быть только централизованным) и обмен, капиталистический способ производства, но не способ производства вообще.

Из выполнения системы (6) следует действие социалистического способа обмена, управления, распределения и, наоборот, из выполнения последних следует удовлетворение системы (6).

Если действие одного из экономических законов социализма нарушается, то не удовлетворяется система (6), следовательно, нарушается действие всех остальных законов. На эту диалектическую взаимосвязь указывает Р.А.Белоусов: "Нарушение закона стоимости в ценообразовании неизбежно, рано или поздно, вызывает нарушение пропорциональности, а нарушение пропорциональности обязательно приводит к снижению, то есть к нарушению действия закона экономии времени. Вместе с тем, планомерность не может быть обеспечена без высокой эффективности производства" ([12], стр. 7).

Для того, чтобы действовал отдельный социалистический экономический закон, необходимо и достаточно, чтобы действовали все остальные. И наоборот, для того, чтобы действовала вся система социалистических законов, необходимо и достаточно, чтобы действовал хотя бы один социалистический закон. "Когда мы говорим, — пишет профессор Д.И.Абалкин, — о действии законов, то предполагается их познание. Но когда мы говорим об использовании законов, то имеется в виду уже не только познание, но и создание соответствующего механизма, разработка наиболее эффективных форм и методов использования экономических законов — задачи во многом иные, нежели задачи их познания. Их решения связаны с усилением того, что можно назвать её практической функцией" ([12], стр. 9). И далее упомянутый автор пишет: "Через формы проявления и происходит, на мой взгляд, овладение экономическими законами, им принадлежит центральное место в механизме использования этих законов". Эту точку зрения можно не понять, но, поняв её, с ней нельзя не согласиться. Если все это перевести на язык математики, то оно

выглядит так: законы используются постольку, поскольку разработаны эффективные методы решения системы уравнений (6) огромного порядка (порядок системы равен $n \times (n-1)$, где n — число работников).

Решать систему (6) по государственному — это значит оставить из $n \times (n-1)$ уравнений лишь $(n-1)$ уравнение. Конечно, это будет выход, но не тот, который нужен нам для того, чтобы решительно поднять эффективность общественного производства и быстрыми шагами двинуться по пути к коммунизму.

Совершенно справедливо подчеркивает Д.И.Абалкин огромную роль формы проявления закона. Именно в той степени, в какой форма проявления закона соответствует содержанию этого закона, именно в этой степени реализуется данный закон **для нас**. Соответствие формы проявления закона его содержанию и метод решения системы (6) — одно и то же.

Но для того, чтобы решать систему (6), необходимо, как напомнил А.М.Румянцев, учитывать ленинское указание о триединстве: воля масс, готовность масс, умение масс ([1], стр. 6). Затем нужно понять, как пишет Г.А.Козлов (там же, стр. 4–5), роль субъективного фактора, покончить с переоценкой или недооценкой роли субъекта. Субъективный фактор отличается от объективного вторичностью происхождения, но не результативностью при совместном взаимодействии. Если имеется объективный фактор "А" и субъективный фактор "Б", то максимальный результат при их взаимодействии будет получен при одинаковом учете этих факторов. Результат взаимодействия объективного и субъективного фактора выражается как произведение функции объекта на функцию субъекта. На эту характерную сторону явления взаимодействия указывает Л.И.Брежнев: "Когда речь идет о сотрудничестве социалистических стран, то происходит не просто сложение, а умножение сил. В полной мере это относится и к научным связям" [4]. Допустим, что наши возможности уделять внимание тому или другому фактору конечны. Таким образом, если увеличиваем наше внимание фактору "А", то, следовательно, уменьшаем внимание фактору "Б". Сумма "вниманий" равна постоянной величине. При этих условиях максимальный результат взаимодействия между субъектом и объектом будет получен в том случае, если обоим факторам будет оказано одинаковое внимание. Принцип равноправия и здесь торжествует.

И, наконец, напомним еще раз, что для того, чтобы двигаться по пути Великого Октября, **для этого "Карфаген должен быть разрушен"**,

ибо социализм (коммунизм) и государство — "две вещи несовместны".

Т.Г.Зураев

31 мая 1977 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газета "Правда", 6/ХП - 1976 г.
2. Журнал "Коммунист", № 8 1976 г. Цитата из произведения В.И.Ленина «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности», Полное собрание сочинений, изд.5, т.36, с.294.
3. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 34.
4. Газета "Правда", 18/П - 1977 г.
5. Л. И. Брежнев, Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, Политиздат, 1976 г.
6. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 39.
7. Газета "Правда", 19/ХП - 1976 г.
8. Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, К.М и Ф.Э, СС, 2-е изд, т.19.
9. Основы экономики и управления производством, Под редакцией профессора И. И. Сигова, Из-во "Экономика", Москва, 1972 г.
10. Журнал "Вопросы философии", № 12, 1976 г.
11. Журнал "Вопросы философии", № II, 1976 г.
12. Журнал "Вопросы экономики", № 1, 1977 г.
13. Журнал "Коммунист", № 2, 1977 г.
14. К.Маркс «Размышления». Впервые опубликованы на русском языке в журнале "Коммунист", № 1, 1977 г. (СС, 2-е изд., т.44, с.146).